

Банановое убийство

Автор:

[Галина Куликова](#)

Банановое убийство

Галина Михайловна Куликова

Изящный детектив от Галины Куликовой Сильвестр Бессонов – детектив на диване #1

В квартире, возле которой найден труп неизвестного мужчины, проживает занятый тип. Все соседи отзываются о нем примерно одинаково – нелюдимый, циничный, неприветливый... Да, Сильвестр Бессонов обладает кучей недостатков, но зато именно его неординарный взгляд на вещи и аналитический ум помогают сдвинуть с мертвой точки расследование коварного преступления. Сильвестр уверен: погибший вовсе не поскользнулся на банановой кожуре – его хладнокровно убили. И убийца не собирается останавливаться. У него изощренная фантазия, и на месте каждого следующего преступления в качестве визитной карточки он оставляет связку бананов...

Галина Куликова

Банановое убийство

Автор выражает признательность за оказанную помощь Олегу Владимировичу Шакотько, оперуполномоченному ОВД Северное Бутово УВД ЮЗАО г. Москвы,

Вере Романовне Тринько, врачу высшей категории, сотруднику Института аллергологии и клинической иммунологии

Когда долго живешь на одном месте, в одной и той же комнате и видишь одних и тех же людей, которых сам выбрал себе в друзья, то мир кажется очень простым. Но едва выедешь из дому – все делается чересчур уж разнообразным.

Евгений Шварц. Тень

Глава 1

– Ладно, заходите. Что с вами поделаешь? – вздохнула девица, открывшая дверь квартиры номер девятнадцать. – А у вас дома есть животные? Ну, там, кошка или собака?

У нее были пытливые зеленые глаза, которые притягивали к себе взгляд и мешали рассмотреть все остальное. Впрочем, Стас Половцев все-таки успел заметить, что «все остальное» выглядит весьма неплохо.

– Нет, – ответил он. Вопрос был странным, но он решил не обращать внимания. – Ни кошек, ни собак у меня нет. Тараканы есть, врать не стану. Но я их специально не прикармливаю, поэтому не знаю, можно ли считать их домашними животными. А что, это важно?

– Да, важно, – язвительно ответила девица. – Для Сильвестра Семеновича очень важно.

От ее тона у обычного человека наверняка засосало бы под ложечкой. Стас только ухмыльнулся.

Она позволила старшему лейтенанту войти в коридор и велела подождать. Развернулась на сто восемьдесят градусов, прошлепала босыми ногами по линолеуму и скрылась за углом. Тонкие лодыжки и розовые пятки некоторое время стояли перед его мысленным взором. Еще предстоит выяснить, кто она такая, эта зеленоглазая. Официально здесь прописан только Сильвестр Бессонов, сорокалетний холостяк, о котором местный участковый не мог сказать ничего определенного. Пока соседи не порассказали много чего.

Портрет получился не слишком привлекательный. По их словам выходило, что этот самый Сильвестр весьма неприятный тип. Неприветливый и циничный. Дружбу с соседями не водит, в квартиру к себе никого не пускает, да и сам показывается чрезвычайно редко. Однако, коль скоро неподалеку от лестничной площадки, куда выходила дверь и этой квартиры тоже, прямо на ступеньках, обнаружили труп, Стасу необходимо было поговорить со всеми жильцами без исключения. В том числе и с неприветливыми.

Он переступил с ноги на ногу и почувствовал, как под подошвами чавкнуло. Посмотрел вниз и увидел, что стоит на большом коврик, застеленном мокрой тряпкой. Тряпка была ярко-розовая, девственно-чистая и напоминала вещи, в которые одевают младенцев. Его ботинки оставили на ней некрасивые рифленые следы. Стас неопределенно хмыкнул и тут услышал приглушенный мужской голос. В голосе ощущалось неподдельное раздражение.

- Ты что, разрешила ему войти в квартиру?!

- Это оперативник из службы криминальной милиции, - шепотом ответила девица. - Он показал удостоверение. Если я его не пущу, он отправится за подкреплением.

Стас снова хмыкнул, рассчитывая, что его услышат. Одновременно он оглядывался по сторонам, пытаясь составить впечатление о квартире. Вернее, о коридоре, который был длинным, широким и практически пустым. Кроме двух ламп на потолке, привинченного к стене зеркала и узкого шкафа здесь была только невысокая тумбочка, на которой лежал женский зонт. Ни расчески, ни флакона туалетной воды, ни квитанции за квартиру, прижатой связкой ключей, - ничего такого не наблюдалось. «Педант проклятый», - подумал Стас неприязненно. В его понимании слово «педант» имело ярко выраженный ругательный оттенок. Педантом они с ребятами называли Сашку Бутова. У Саши в шкафу был припрятан старый носок, которым он время от времени протирал свой рабочий стол.

- Он врет, что у него нет домашних животных, - не сдавался между тем противный Сильвестр. - Я даже отсюда чувствую, как от этого оперативника несет псиной.

- Мне кажется, это его собственный запах, - мрачно заметила девица.

Стас опустил голову и понюхал свою рубашку, черную и довольно мятую. Он не помнил, когда эта вещь в последний раз побывала в стирке. Забавно, на что люди обращают внимание.

Он уже терял терпение и готов был подать голос, чтобы прервать дурацкое перешептывание, но тут раздались шаги, и в конце коридора возник Сильвестр Семенович собственной персоной. Стас ожидал увидеть нечто тощее, сутулое и очкастое, облаченное в тренировочные штаны и замшевые тапки, однако расчеты его не оправдались. Бессонов оказался подтянутым и широкоплечим, а одет был в светлые брюки и футболку. Еще он мог похвастать королевской осанкой, из-за которой казался выше, чем был на самом деле. «Примерно метр семьдесят пять, – прикинул Стас. – Под восемьдесят килограммов. Если схватимся, я его, конечно, завалю. Хотя это будет и непросто».

Вряд ли Сильвестр когда-нибудь жаловался на свою внешность. Высокий лоб, широкие скулы и прекрасный рот – нижняя губа прямая, а верхняя причудливо вырезана. Подбородок словно намеренно утяжелен с целью придать всему облику основательность. Однако глаза всю эту красоту решительно перечеркивали. В них было столько яда, иронии и дерзости, что хотелось немедленно принять вызов.

Складывалось впечатление, что господь бог создавал лидера, образец для подражания, эталон, наградил этот эталон выразительными чертами, красиво насадил голову на плечи, а потом взял и испортил ему характер. Пошутил, одним словом.

– Бессонов, – коротко представился Сильвестр. – Полагаю, вы насчет трупа.

– Точно, – подтвердил Стас, решив во что бы то ни стало расположить к себе девицу, которая вышла вперед и теперь загораживала собой хозяина дома с таким видом, словно защищала котенка. – А вы, девушка... Вы здесь в гостях? – спросил он.

Пусть лучше сама все расскажет. Еще до того, как он перепишет ее паспортные данные. Может быть, не стоило называть ее девушкой? На его взгляд, ей лет двадцать пять. А может быть, и все тридцать. Несмотря на опыт, возраст современных девиц, которые активно изводили морщины и укрепляли задницы, Стас угадывал не всегда.

– Майя Долинина, – представилась она. – Я помогаю Сильвестру Семеновичу.

Помогает она... Знаем мы, как они помогают. С такой-то фигурой...

– По хозяйству? – уточнил Стас. – Или по работе?

– По жизни, – коротко ответил Бессонов и пошевелил ноздрями. – Слушайте, что за дрянь вы курите?

Нос у него был крупный, с широкими ноздрями – трепетными, как у животного, которому нюх помогает выжить.

– Какая разница, – невежливо ответил Стас. – У вас ведь все равно курить нельзя.

Он даже не спрашивал, а утверждал. Человек, у которого перед дверью лежит розовая тряпка, вряд ли позволит ему поднять даже на кухне. Стас с раскаянием вспомнил, что вчера ночью у себя дома засовывал окурки в стакан с остатками пива. Теперь занавески наверняка будут вонять мокрыми окурками. И хлеб, который он оставил на столе, тоже будет вонять. Все будет вонять мокрыми окурками.

Сильвестр тем временем коротко предложил:

– Проходите. Хотите водки?

– Я на службе, – неприязненно ответил Стас.

– Тогда я налью вам чаю.

Пить чай в такую жару казалось Стасу идиотизмом. Впрочем, он вполне мог опрокинуть чашечку – в интересах дела. Девица, то есть Майя Долинина, смотрела на него из-под острых ресниц с некоторой опаской. Как будто он мог неожиданно выкинуть какой-нибудь фортель.

– Да, я хочу чаю, – агрессивно заявил Половцев и протиснулся на кухню, опередив хозяина.

На кухне было так чисто, будто здесь орудовал целый взвод Золушек. Кастрюли стояли «по росту», подвешенные за ушки сковородки блестели маленькими солнцами, полотенце расправлено на перекладине, подобно стягу небольшого, но гордого корабля. На белый, как кусок пломбира, холодильник было больно смотреть. Впрочем, имелась здесь одна вещь, которая не вписывалась в интерьер и сразу бросалась в глаза. Странный агрегат на подоконнике, от которого к розетке тянулся толстый шнур. Агрегат гудел.

- А это что у вас такое? - тотчас спросил бдительный старший лейтенант.

- Очиститель воздуха, - ответила Майя. - У Сильвестра Семеновича аллергия на домашнюю пыль. Ему приходится быть очень осторожным, чтобы не спровоцировать приступ.

- Вы поэтому спрашивали меня про животных? - сообразил Стас. Обернулся к хозяину и уточнил: - У вас и на шерсть аллергия?

- Это имеет какое-то отношение к убийству? - холодно парировал Сильвестр.

Стас Половцев оперся руками о стол и осторожно сел. Как будто резкое движение могло спугнуть только что произнесенную фразу. А та возьмет, выпорхнет в форточку и растворится в пространстве.

- Почему вы решили, что это было убийство? - спокойно уточнил он, донесся зад до табуретки и благополучно утвердившись на ней.

По правде сказать, все выглядело как настоящий несчастный случай. Труп лежал на лестнице весьма мирно - ногами вниз, так, будто мужчина спускался на первый этаж пешком. Рядом валялась раздавленная банановая кожура - темно-желтая, с коричневыми крапинками. К подошве правого башмака жертвы прилипла янтарная банановая мякоть. Вероятно, бедняга наступил на банановую шкурку, упал и очень неудачно приземлился черепушкой на ребро ступеньки. Фатальное невезение.

- Почему вы решили, что это убийство? - Стас посмотрел Бессонову прямо в лицо.

Может быть, у кого-то глаза и являются зеркалом души. Однако у этого типа вместо зеркала была пучина. Даже легкой ряби не появилось на поверхности.

– Полагаете, это я его кокнул? – криво улыбнулся Сильвестр. Поставил перед старшим лейтенантом обещанную чашку чая и уселся напротив.

Майя остановилась в дверях, сцепив руки в замок. Стас посмотрел на нее пристально. Невысокая и стройная, производит впечатление человека, крепко стоящего на ногах. Глаза, как он уже заметил раньше, отчаянно зеленые. Еще у нее был большой рот с родинкой над верхней губой и волосы до плеч, весело завивавшиеся на концах. Завершал картину курносый, воинственно вздернутый нос, выданный, вероятно, в придачу к бойкому характеру.

Стас любил высоких гляцевых женщин с томными манерами. Запахом их духов были отмечены лучшие дни его жизни. Но теперь он должен был признать, что зеленоглазая произвела на него сильное впечатление. Впрочем, по его лицу нельзя было ни о чем догадаться.

Небритое и помятое, оно могло бы привлечь даму, пожалуй, только энергией. Однако сегодня был плохой день, энергия отсутствовала, а глаза напоминали глаза селедки, залежавшейся в рассоле.

– Я видел тело, – признался между тем Сильвестр. – Полагаю, это типичный криминальный фокус. Убийство, замаскированное под самоубийство.

Он разговаривал низким голосом. Но на вкус Стаса, обертон был какой-то слишком уж скрипучий. Пожалуй, такой голос ни с чем не спутаешь.

– При удачном для преступника стечении обстоятельств, – продолжал между тем его обладатель, – следов борьбы на теле не обнаружится. Вероятно, тут сыграл роль фактор внезапности. Вряд ли этот парень ожидал нападения на лестнице. Кстати, вы уже выяснили, кто он такой? Ну, тот, кто умер?

– Его фамилия Фофанов, – без колебаний сообщил Стас. – Андрей Фофанов. Никогда не слышали?

- Нет. - Его собеседник пожал плечами и обернулся к Майе. Та молча покачала головой. Дескать, тоже не слышала.

- Когда мы его нашли, он уже не дышал, - неожиданно добавила она. - Не слишком приятное зрелище.

- Так это вы его нашли? - Стас подобрался на своей табуретке и высоко поднял брови. - Интересно. А по моей информации, его обнаружил ваш сосед из двадцатой квартиры.

Старший лейтенант достал из кармана маленький блокнот, основательно посплюнявил палец, перелистнул несколько страниц и зачитал:

- Иван Петрович Чепукин.

- Некоторым нравится быть в центре внимания, - повел бровью Сильвестр. Бровь была довольно лохматой и, как и челка, не желала лежать прямо. - Вчера мне пришлось выйти из дома. По делам. На обратном пути я наткнулся на труп. Вернее, мы наткнулись, - поправился он, зыркнув в сторону своей помощницы.

- Ходите пешком на шестой этаж. Это вы так тренируетесь, что ли? - уточнил Стас, сообразив, что напал на золотую жилу.

- Приходится ходить, - сварливо проговорил Сильвестр. - В лифте то и дело ездит всякая дрянь.

- Он имеет в виду собак, - подсказала Майя, решив, что, если старший лейтенант пользовался лифтом, он может обидеться.

- Разве ты работаешь у меня переводчицей? - не оборачиваясь, спросил ее босс.

В ответ Майя только фыркнула. Было непохоже, что замечание ее хоть как-то задело.

- Вы трогали тело? - задал следующий вопрос Стас, глядя на Бессонова в упор.

- Нет.

– Но ведь с лету нельзя было определить, труп перед вами или не труп. Пульс-то наверняка щупали.

– Не щупал. Только наклонился пониже, чтобы послушать дыхание.

– Вот если бы Чепукин его нашел, – встряла Майя, – уж он бы все пощупал. Поэтому вам радоваться надо, что это был именно Сильвестр Семенович.

– Я ужасно радуюсь, – заметил Стас, не отрывая взгляда от своего визави.

– Полагаю, вы силитесь понять, почему я решил, что вашего Фофанова убили?

Стас хотел было возразить, что это вовсе не «его Фофанов». Ему вообще не нравился менторский тон, который он обычно пресекал коротким ударом справа. Однако в данном случае выгоднее было промолчать, и он только хрюкнул, сделав большой глоток чая. Чай, кстати, был светло-желтый и горький. Гадость, а не чай. Даже странно, если учесть, что хозяин доставал его из очень красивой коробки. По всей видимости, это дорогая гадость.

Приняв молчание за знак согласия, Сильвестр между тем продолжал:

– На его лице я заметил следы побелки. А точнее, на правой скуле и на лбу под волосами.

– Представьте, что вы теряете равновесие на лестнице, – парировал Стас. – Хватаетесь руками за что попало. Стены в подъезде покрашены до половины, дальше все побелено. Вот он и...

– Я осмотрел его руки. На них не было и следа побелки.

– И что это, по-вашему, значит? – воинственно спросил лейтенант.

– Это значит, что убийца опирался рукой о стену и испачкался. Потом он сильно толкнул свою жертву. И сделал это вот так.

Сильвестр растопырил пальцы и приблизил их к самому носу оперативника. Как будто хотел положить раскрытую ладонь на его лицо. Тот даже не шевельнулся.

- Представляете, - продолжал Бессонов, - вы падаете с высоты собственного роста головой на бетонное ребро ступеньки.

- Очень хорошо представляю. Но это всего лишь ваши домыслы. Фофанова мог испачкать вовсе не убийца. Может быть, парень сам испачкался, когда только вошел в подъезд, потом достал платок, вытер руки и пошел дальше. А на лестнице лежала банановая кожура...

- Она там не лежала, - перебил его Сильвестр. - В том-то все и дело. Я думаю, преступник принес ее с собой. Сначала он убил Фофанова, разбив ему голову о ступеньку, и уже потом раздавил кожуру на каблуке его ботинка.

- Да с чего вы взяли?! - неожиданно для себя рассердился Стас.

Конечно, он тоже считал, что тут никакой не несчастный случай. Но в его распоряжении была интуиция, опиравшаяся на приличный опыт оперативной работы. А этот интеллигентишка сидит, сложив пальцы домиком, и профессорским тоном рассуждает о том, что было и чего не было.

- Я рассмотрел кожуру, - серьезно ответил интеллигентишка. - Я даже ее понюхал. Видите ли, у меня очень сильно развито обоняние.

Сильвестр снова пошевелил ноздрями, сведя брови к переносице. Вид у него сделался хищным.

- И чего вы там нанюхали? - не смог сдержать иронии Стас.

- К внутренней стороне кожуры прилипли крошки канифоли.

- А вы откуда знаете, что это канифоль?!

- У нее характерный резкий запах, его ни с чем не спутаешь.

Стас некоторое время смотрел на собеседника, не моргая, потом перевел взгляд на Майю и тяжело бухнул:

- Вы тоже нюхали шкурку?

- Я - нет, - ответила она таким тоном, будто они говорили о том, пойдет ли вечером дождь.

Впрочем, может, Майя и в самом деле не испытывала никаких чувств. Судя по внешнему виду, ее не слишком волновало, о чем они тут беседуют. Она просто ждала, когда можно будет забрать своего драгоценного босса, увести в комнату и уложить на диван перед телевизором.

- Это точно была канифоль, - повторил Сильвестр. - Я осмотрел всю лестницу и нигде не нашел ни одной крупинки. Какой вывод?

- Какой? - тупо повторил Стас. Не потому, что не мог самостоятельно сделать вывод. Он сейчас просто не думал ни о каких выводах. Лишь неотрывно смотрел на сидящего напротив человека и пытался осмыслить, с кем столкнулся. Получается, этот тип, обнаружив на лестнице тело, присел на корточки или даже встал на четвереньки, после чего облазил и даже обнюхал все вокруг. Может быть, зеленоглазая тоже стояла на четвереньках.

Стас представил, как они вдвоем ходят вокруг трупа на четвереньках, и усмехнулся уголком рта.

- Вывод вот какой, - остро взглянул на него Сильвестр. - Кожуру убийца принес с собой. Она лежала в сумке, пакете или в коробке с остатками канифоли. Поэтому-то к кожуре и прилипла канифольная крошка. Здесь мы вступаем в область умозрительных заключений, - стал объяснять Сильвестр. - Прямых доказательств у меня, конечно, нет, но, похоже, банановая кожура и канифоль где-то в пространстве пересеклись. Ну допустим, в одном пакете, или конверте, или еще в каком-то замкнутом пространстве. Проще говоря, там, куда их поместил предполагаемый убийца или тот, кто готовил весь этот грустный спектакль.

- Может быть, эта кожура выпала у кого-то из помойного ведра, - возразил Стас.

– Исключено. Мусоропроводом, который находится между шестым и пятым этажом, пользуется только наша лестничная площадка. Майя не ест бананы, я – тем более. Чепукин из двадцатой тоже не ест. Он не раз говорил, что бананы похожи на мыло, а мыло едят только шизофреники.

– Почему шизофреники? – удивился Стас.

– В двадцать первой квартире живет одинокая бабушка, – не обращая внимания на его удивление, продолжал Сильвестр. – У нее едва хватает денег на хлеб, какие уж тут бананы! А жильцы двадцать второй уехали в отпуск.

Стас и сам знал про бабушку и про двадцать вторую. Но не собирался уступать.

– Может быть, какой-нибудь ребенок слопал банан и бросил шкурку на лестнице?

– А как на ней оказалась канифоль?

– Ну... Он сначала положил шкурку в пакет, где была канифоль, а потом передумал, вынул из пакета и бросил на пол.

– Скорее он выбросил бы кожуру вместе с пакетом, – тотчас ответил Сильвестр, глядя на старшего лейтенанта с некоторым сомнением. Может быть, сомневался в его умственных способностях? – В мусоропровод, который находится буквально в двух шагах. Если вы заметили, банан был перезрелый. Пакет наверняка испачкался. Логичнее было от него избавиться.

Стасу хотелось сказать, что все это ерунда, чистый домысел. Он никак не мог придумать ни одного достойного возражения. А соглашаться со штатским казалось ему унижительным.

– Мне понятен ход ваших мыслей, – наконец заключил он. – Почему вы не сообщили сразу же, что первым обнаружили тело?

– Состояние здоровья не позволяет мне отираться в подъездах, – повел бровью Сильвестр. – Там живут кошки и крысы. Да и что бы это изменило? Какая разница, кто его нашел?

– Ну это нам решать – какая разница, – раздраженно заметил Стас. – Вы ввели следствие в заблуждение.

По всей видимости, этому типу было все равно, ввел он следствие в заблуждение или нет. Высказав свои доводы, он уставился на Стаса с недовольным видом. Старшему лейтенанту очень хотелось поставить его на место, но он сдержался. Разборки еще будут, но не сейчас. Сейчас у него нет времени и настроения. Жуть как хотелось курить.

Перед тем как уйти, он выполнил необходимые формальности – выпросил и записал все, что хотел узнать о зеленоглазой. Или почти все. Двадцать восемь лет, разведена, детей нет, образование высшее филологическое. Он так сразу и понял, что высшее. Филологиня, блин. Стас не верил, что гуманитарное образование чего-нибудь стоит. Математика там, физика – да. А филология? Пять лет копать в языке, на котором разговариваешь с детства!

Пока он укладывал свой блокнот в карман, Бессонов несколько раз мокро чихнул и прогнусавил сквозь платок:

– Извините. Я бредубреждал, что у бедя аллергия.

Стас встал на ноги, тяжело двинув табуретку.

– И кем же вы работаете, – поинтересовался он напоследок, – с вашей аллергией? Кстати, версия с принесенной в сумке кожей очень... впечатляющая.

– На самом деле подобный трюк с якобы поскользнувшимся на лестнице человеком провернул герой фильма «Мистер Смит отправляется в отпуск», – с неожиданным добродушием заметил Сильвестр, вытерев нос. – Только в кино убийца использовал не банан, а арбузную корку. В остальном все совпадает.

– Так что насчет вашей профессии? – переспросил Стас, демонстративно пропустив «мистера Смита» мимо ушей. – Кем вы работаете?

– Я критик, – спокойно ответил Сильвестр. – Рецензирую художественные фильмы для специализированных журналов.

Стас досадливо крякнул. Только этого ему не хватало. Кинокритик, словно гусь орехами, нашпигованный детективными сюжетами.

– Выходит, вы постоянно сидите дома и смотрите кино? – уточнил он на всякий случай.

– Преимущественно.

Сильвестр лгал. Он работал только дома, исключительно дома и нигде кроме дома. За дверью квартиры лежал недружелюбный мир, в котором жили кошки и птицы, обросшие шерстью и перьями, цвели деревья и травы, разбрасывающие пыльцу, летали смертоносные осы, строились автомобильные заправочные станции, воняющие бензином, и в каждом киоске продавались шоколадные батончики с арахисом, который мог убить Сильвестра вернее, чем бандитская пуля.

Как только за старшим лейтенантом захлопнулась дверь, Бессонов повернулся к своей помощнице и писклявым голосом передразнил:

– «Когда мы его нашли, он уже не дышал!» Просили же тебя не высовываться. Нет, ей нужны лавры первооткрывателя трупов.

– Я не собираюсь скрывать информацию от властей, – отрезала Майя, двинувшись по коридору в сторону ванной комнаты.

– Полагаешь, к нам приходили власти? – скептически заметил Сильвестр.

– Какие-никакие. Кроме того, я их не боюсь. А вы ни в чем не виноваты. Поэтому вам тоже нечего бояться.

– Ха! Я нашел тело, и я рассказал этому типу, как все случилось на самом деле. Те две фасолы, которые вставлены в его башку вместо мозгов, вскоре решат, что я и есть преступник. Вот увидишь, меня заберут в ментовку, засунут в подвал и будут бить до тех пор, пока я во всем не признаюсь.

– Вы перебрали голливудских фильмов, – заметила Майя, открыв дверь в ванную комнату и пустив воду. – Может быть, стоит перейти на европейское кино?

– Лучше всего с Пьером Ришаром, – проворчал Сильвестр, наблюдая за тем, как она брызгает водой себе в лицо, а потом прикладывает к щекам полотенце.

– Я твердо убеждена, что за редким исключением в милиции работают честные люди, – с вызовом сказала Майя, вешая полотенце на собственный крючок.

– Твои убеждения почерпнуты из «Дяди Степы».

Сильвестр шагнул к двери, ведущей в кабинет, и пнул ее ногой. Дверь ударилась о стену. Он чертыхнулся, стремительно вошел, обогнул стол и уселся на диван. Схватил пульт от телевизора и принялся в задумчивости постукивать им по подбородку. В кабинете, как, впрочем, и во всей квартире, не было ковров, пледов, гобеленов и всего того, что Сильвестр называл пыле-сборниками. Легкое диванное покрывало постоянно постирывалось. Книги и коробки с фильмами тщательно пылесосились и протирались. Влажная уборка была ежедневным ритуалом, который выполнял проходящий уборщик Степан – мрачный, как замковый призрак.

Не прошло и минуты, а Майя уже возникла на пороге кабинета с изумленным видом:

– Кстати, босс. Что касается побелки и канифоли. И умного убийцы. Вы говорили это всерьез?

– Нет, я просто пошутил. Люблю шутить над трупами, – буркнул Сильвестр, не поворачивая головы.

– Удивительно. Но я ведь видела то же, что и вы, не больше и не меньше! Мы поднимаемся по лестнице, замечаем лежащего на ступеньках человека с разбитой головой и банановой шкуркой возле ботинка. Вы ненадолго склоняетесь над телом и убеждаетесь, что незнакомец мертв. Как по волшебству, появляется Чепукин, и вы велите ему вызвать милицию и «Скорую помощь».

– Ну и что?

– Вам хватило минуты на то, чтобы сделать целую кучу важных выводов! Я только сейчас поняла, насколько это поразительно.

– Когда опер, который только что ушел от нас, тоже это поймет, мне не поздоровится. Черт меня дернул за язык.

– Если бы у вас была информация... Ну, результаты экспертизы, показания свидетелей и все такое, вы запросто могли бы раскрыть это убийство.

– Послушай, Майя, – рассердился Сильвестр, – если ты забыла, Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и Ниро Вульф проживают за границей. А все отечественные сыщики сосредоточены на Петровке, 38. Они носят погоны и, когда приходится туго, вызывают подкрепление. Коллективный мозг, вытеснивший частных конкурентов. И вообще... Не нужно меня подбадривать. Я отлично чувствую себя в кресле с подголовником в окружении своих коробочек с фильмами.

– Вы способны на большее! – с горячностью заявила Майя.

– Безусловно. Скоро я стану самым выдающимся кинокритиком десятилетия. Нет, века.

– Не думаю. Я читала последний номер «Кинозала». Судя по вашей рецензии, самый заметный фильм года – «Моя большая кровавая свадьба».

– А что? Прелестная черная комедия про сбрендившую невесту.

– Да, а премия за лучший сценарий, по-вашему, достанется «Нападению свинокшек».

– Фантастический боевик о вторжении на Землю. Очень свежо. У сценариста невероятно богатая фантазия. Эти свинокшки проделывали такие вещи!

– Вы считаете, его действительно убили? – неожиданно вернулась к прежней теме Майя. – Этого... Как его там?

– Фофанова, – подсказал Сильвестр. – Откуда я могу знать? Просто я мыслил логически. Кстати, в нем было кое-что странное.

– В трупе?

– В трупе. Вернее, на нем.

Майя прикрыла глаза, пытаясь припомнить, что увидела тогда на лестнице. Что-то? Человека с разбитой головой. Разве можно было концентрироваться на каких-то деталях перед лицом такого несчастья? Все же она попыталась вспомнить, как выглядел Фофанов. Мужчина лет тридцати, светловолосый, в очках. Обыкновенные штаны, рубашка с короткими рукавами. Кажется, часы... Еще на ботинки она обратила внимание. Мягкие ботинки и раздавленная банановая кожура возле правой ноги. Вот, пожалуй, и все. Ничего странного уж точно.

– Не хочу больше об этом говорить, – резко заявил Сильвестр. – До тех пор, пока не вернется твой героический старший лейтенант.

– Почему это он мой? – обиделась Майя.

– Он положил на тебя глаз. И даже не спорь. Женщина, доказывающая, что не понравилась мужчине, выглядит дурой.

Глава 2

Старший лейтенант вернулся, когда его меньше всего ждали. На улице было темно, и озверевшие мотыльки колотились о стекло, рассчитывая покончить с собой под каким-нибудь симпатичным абажуром. Впрочем, окна в квартире номер девятнадцать закрывались наглухо, и у мотыльков не оставалось ни одного шанса.

За день Стас Половцев измялся и оброс щетиной так, что его утренний вид теперь показался бы парадным. Однако глубоко запавшие глаза блестели, как у агента 007, выполнившего задание и окрутившего очередную девушку.

– Я бы выпил чаю, не против? – заявил он вместо приветствия и демонстративно вытер ноги о мокрую тряпку.

Тряпку, кстати, уже сменили. Эта, вторая, была голубой и такой же девственно-чистой, как и первая.

– На кухню? – коротко спросил Стас у хозяина квартиры.

Тот стоял в коридоре со скептическим выражением на лице, а его помощница топталась рядом. На старшего лейтенанта она смотрела с опаской, как на огромную собаку, хозяин которой поклялся, что она добрая.

На этот раз оперативник вел себя гораздо свободнее, если не сказать наглее, чем в первый раз. Войдя в кухню, он уселся на прежнее место, повернулся боком к столу, спиной оперся о подоконник и весело спросил:

– Ну что? – Глядя, как Майя наливает в чайник воды, добавил: – Появилась задачка для ваших мозгов, Сильвестр.

Отчество «Семенович» он проглотил прямо на ходу, но его обладатель даже глазом не моргнул.

– Тут такое дело...

Стас полез в карман за своим блокнотом. Обложка прогнулась, как старый матрас, потому что на блокноте постоянно сидели. Он выудил откуда-то из середины фотографию, которую и бросил на стол. Вращаясь, фотография просвистела, словно фигурист по льду, и остановилась прямо перед Сильвестром. Тот сощурился, но в руки ее не взял. Майя, которая как раз ставила перед Стасом чайную пару, изо всех сил вытянула шею. Челка выпала из-за уха, и до старшего лейтенанта донесся тонкий, слабый запах ее волос.

– Не понимаю, что это такое, – признался Сильвестр, отодвинув от себя снимок указательным пальцем.

– Это я сам сфотографировал, специально для вас. Рубашка и штаны. Мужские, – пояснил старший лейтенант, нюхая чайный пакетик, который ему положили в

пустую чашку. От пакетика не пахло ни жасмином, ни мятой, нечего было и рассчитывать. – Мы проверили мусорные баки во дворе вашего дома...

– Искали сумку с канифолью? – с едва заметной усмешкой поинтересовался Сильвестр.

– Искали. А вы как думаете! Сумку не нашли, а обнаружили вот это. Штаны и рубашка свернуты в комок, засунуты в пакет и завязаны. Одежда испачкана, но мне сказали, что она дорогая.

– Вижу, что испачкана. И вижу, что дорогая. А что это на ней такое черное?

– Немного крови. И, по-моему, битум. У меня, конечно, не такой нюх, как у некоторых...

Майя хотела спросить, при чем здесь нюх, ведь находку наверняка отдали на экспертизу, – но, взглянув на босса, решила промолчать.

– Вы как-то связываете этот тук с убийством на нашей лестнице? – спросил Сильвестр, явно не желавший отказываться от собственной версии. – И считаете, что я с полплевка скажу, кто носил эти шмотки?

Стас подарил ему вымученную улыбочку.

– Дело в том, что на шмотки оказалось слишком много претендентов. Форменный маразм. Когда барахлишко вытащили, тут же набежали любопытствующие из местных жителей.

– И вы их не разогнали? – с иронией спросил Сильвестр.

– Зачем же? Рядовые граждане всегда знают что-то такое, чего не пробьешь по базе данных.

– Полагаю, граждане опознали одежду и указали на хозяина.

– Так точно. Только мнения разделились. Одна группа товарищей, состоящая из местных пенсионеров, уверяет, что штаны и рубашка принадлежат Антону

Янову, который проживает в вашем подъезде на третьем этаже.

- Квартира номер девять, - проявил осведомленность Сильвестр.

Майя сразу же сообразила, о ком они говорят. Жесткий тип, одет с иголочки. Когда сбегает вниз по лестнице, крутит на пальце ключи от машины. Еще ни разу не ответил на ее отчетливое «здрасьте!». С его женой она несколько раз останавливалась поболтать возле почтовых ящиков.

Старший лейтенант тем временем продолжал:

- Вторая группа товарищей, так сказать, подрастающее поколение, утверждает, что комплект носил Петр Жабин, жилец того же подъезда. Вашего подъезда. Подъезда, где нашли тело.

- Девятый этаж, квартира номер тридцать два.

- Вижу, вы в курсе.

Возможно, Майя знала Жабина в лицо, но уж точно не по фамилии.

- А вы с ними самими разговаривали? Я имею в виду, с Яновым и Жабиным?

- В том-то и фишка, что каждый без колебаний признал, что комплект принадлежит ему. Однако ни один, ни другой не представляют, почему одежда грязная и как она оказалась в мусорном баке.

Майя подошла к столу с кипятком, и Стас на секунду замолчал, позволяя прозрачной струе без помех упасть в чашку.

- Вы просили их поискать одежду в шкафу?

- Ни один не смог найти ни штанов, ни рубашки.

- Странно, - пожал плечами Сильвестр. - Одинаковая одежда у двух мужчин из одного подъезда?

– Может быть, они купили ее в соседнем супермаркете? – предположила Майя, не в силах больше сдерживаться. – Рубашка такая приметная, наверняка известной фирмы. Кстати, недавно я забыла в магазине кошелек, прямо на кассе. Возвращаюсь туда с вытаращенными глазами, и старший по залу говорит, что да, какой-то кошелек ему сдали кассиры. Но прежде чем вернуть его мне, он потребовал подробно описать, как тот выглядит и сколько в нем денег.

– Я понял вашу мысль. Это и есть самое забавное, – сказал Стас, повернувшись к ней. – Оба предполагаемых владельца так точно описывают найденные в мусорном баке вещи, что просто диву даешься. Например, Янов заявил, что нагрудный карман на рубашке надорван и снаружи болтается зеленая нитка. И это оказалось правдой. Однако Жабин тоже знал про нитку. И еще он припомнил, что в левом кармане штанов – дырка.

– И это тоже оказалось правдой, – ухмыльнулся Сильвестр. – Какой отсюда вывод?

– Кто-то из них врет, – сказал Стас, беря чашку.

– Ответ неверный.

– Серьезно?

– Вывод следующий: оба эти парня носили одну и ту же одежду. Ваша задача выяснить – почему.

– Может быть, они родственники? – снова подала голос Майя. Себе она тоже налила чашку чая и теперь прихлебывала его, стоя у разделочного стола. – Я, например, иногда надеваю куртку старшего брата, когда идет дождь, а мне нужно срочно выскочить на улицу.

– Или они друзья, – включился в игру старший лейтенант, явно ощущавший в присутствии зеленоглазой помощницы Сильвестра душевный подъем. – Жабин решил пойти на свидание, и Янов дал ему напрокат свой выходной прикид.

– Тогда зачем это скрывать?

– Я знаю! – выпалила Майя. – Янов дал штаны с рубашкой Жабину напрокат... На свидание, – добавила она, мельком улыбнувшись старшему лейтенанту. – Но по дороге тот упал в битум, испугался гнева хозяина и выбросил вещи в мусорный бак. И не хочет признаваться, потому что ему неудобно.

– Но Янов уверяет, что никому не давал свою одежду, – весело ответил Стас. – И Жабин тоже уверяет, что никому не давал. И они даже не друзья. Может, вся эта чехарда и не имеет отношения к трупам на лестнице, но...

Сильвестр, который слушал их с непроницаемым видом, заметил:

– Вы уже потеряли нить. А ведь сначала рассуждали правильно. Итак, комплект принадлежит либо Янову, либо Жабину. Я склонен считать, что Янову.

– Почему?

– Потому что Жабин – шофер и одевается просто и удобно. Я никогда не замечал, чтобы он особенно форсил.

– В глазок подсматриваете за соседями? – желчно спросил Стас, памятуя, что его собеседник почти не выходит из квартиры. Просто не смог сдержаться.

Однако его выпад был проигнорирован.

– Янов бизнесмен, – продолжал Сильвестр как ни в чем не бывало. – Ему по штату положено покупать рубашки в дорогих магазинах. Но если Янов говорит, что не давал Жабину свою одежду, значит...

– Значит, он врет, – снова сделал поспешный вывод старший лейтенант.

– Значит, одежду Янова дал Жабину кто-то другой. Поскольку Янов женат, вывод напрашивается сам. Одежду Жабину дала жена Янова.

Не успел он договорить, как за входной дверью послышалась какая-то возня. Будто кто-то скребся с той стороны, дышал и царапался.

– По-моему, это собака, – тотчас всполошился Сильвестр. – Наверное, та хвостатая сарделька, которая живет этажом ниже. Майя, пойд и прогони ее, а то она заразит блохами наш коврик.

– Джинерву не выпускают одну в подъезд, – проворчала Майя, но все-таки поставила чашку и отправилась в коридор.

Однако за дверью оказалась вовсе никакая не собака, а Анжелика Янова, та самая жена бизнесмена Янова, о которой только что говорили. Она была маленькой, изящной, с сочными губами куртизанки и ясными глазами, через которые отчетливо просматривалось дно ее души.

– Майя! – страшным шепотом потребовала Анжелика. – Выйди на минутку ко мне.

Та послушалась и вышла. Дверь тихо чмокнула, когда Майя прикрыла ее за собой.

– Что случилось? – спросила она тоже шепотом. Если на лестничной площадке говорили в полный голос, немедленно появлялся пенсионер Чепукин, чтобы поучаствовать в дебатах. Он отличался горластостью, был помешан на политике и особо непримирим к действующему правительству.

– Мне сказали, что вы расследуете этот труп...

– Дело об убийстве, – поправила Майя.

– ...который подавился.

– Поскользнулся.

– Господи, как ты любишь придирааться к словам!

– А кто сказал, что мы расследуем?

– Старушки слышали, как оперативник из местного ОВД сказал, что пойдет разговаривать с твоим хозяином Сильвестром. Подкинет ему задачку.

- Почему это с хозяином? С боссом. Я же не рабыня Изаура.

- Какая разница!

Анжелика неожиданно крепко схватила Майю за запястье. Ее рука оказалась холодной, почти ледяной.

- Если ты мне не поможешь, я пропала! Скажи своему... Сильвестру, чтобы он сказал оперативнику, чтобы тот сказал своему начальству, что одежда из мусорного бака не имеет никакого отношения к трупам на лестнице!

- Это ты дала ее Жабину, - констатировала Майя.

- Откуда ты знаешь?

Глаза Анжелики вспыхнули тем самым огнем, на котором рано или поздно будут поджариваться все неверные супруги.

- Я думала, никто не знает.

- Расскажи в двух словах, что случилось.

- Ш-ш-ш! - прошипела та, настороженно вскинув голову. - Антон должен вот-вот вернуться. Он всегда поднимается пешком.

- Вы живете тремя этажами ниже, так что он ничего не услышит.

Чтобы придать своему признанию интимный оттенок, Анжелика приблизилась к Майе вплотную.

- Что случилось, что случилось... Антон сказал, что уезжает на четыре дня.

Иными словами, все происходило, как в анекдоте. Муж отправился в командировку, но неожиданно вернулся. Жена в это время развлекалась с любовником. А поскольку любовник не знал тепла семейного очага, она не только накормила его борщом, но и постирала его одежду. Вернее, засунула

одежду в стиральную машину и включила ее. В этот самый момент позвонил муж и сказал, что командировка сорвалась. У парочки не осталось времени замести следы – Янов был уже во дворе и как раз выходил из машины. Бежать по лестнице в трусах на девятый этаж Жабин не рискнул. Анжелика выхватила из семейного гардероба первые попавшиеся штаны и рубашку, обрядила в них любовника и вытолкнула из квартиры. Любовник рванул было к себе, но сверху как раз кто-то спускался и покашливал, совершенно как Чепукин, встреча с которым могла стать роковой. Чепукин наверняка заслонит ему путь своей чахлой, но отважной грудью. Все знали – вырваться из его лап можно только вместе с кожей. Тогда Жабин побежал вниз. Миновав лишь один пролет, услышал голос обманутого мужа – тот уже вошел в подъезд, но слегка замешкался, отвечая на телефонный звонок. Путь к спасению был только один – окно на лестничной площадке. Оно находилось высоко, зато по причине жары было распахнуто настежь. Рядом с мусоропроводом, приглашая к побегу, стоял драный стул со сломанной спинкой. Гонимый ужасом, Жабин скакнул на него, изо всех сил оттолкнулся от сиденья и прыгнул. Некоторое время извивался, лежа животом на нижней части оконной рамы, наконец выбросил правую ногу наружу, совершил акробатический этюд и спрыгнул на крышу подъезда.

После чего сразу же упал лицом вниз и пополз к краю. По дороге поцарапал ладони и перепачкался битумом. Некоторое время лежал неподвижно, потом улучил момент, сиганул вниз, в палисадник, прямо в акацию, и удрал. Пару часов пробавлялся в соседнем пивном баре, где его видели глазастые подростки из соседнего подъезда. Но сидел бедолага к подросткам спиной, они и не заметили, что шикарная рубашка с затейливым узором безнадежно испачкана на груди, впрочем, как и светлые брюки.

Возвратившись домой, Жабин понял, что одежде не вернуть первоначальный вид, засунул ее в пакет и выбросил в мусорный бак. Именно в бак, потому что в мусоропровод неаккуратный тюк просто не влезал.

Трагическую историю Анжелика изложила весьма бестолково, но пылко, решив, что незамужняя Майя, проживающая под одной крышей с неженатым Сильвестром, легко может сделаться ее сообщницей.

– Жабин до смерти боится моего мужа, – подвела она итог. – С перепугу он не разобрался в том, что нужно говорить, взял и ляпнул милиции, будто это его одежду нашли в мусорном баке. У него глупые представления о работе следователей. Решил, что, если они проведут экспертизу, сразу определят, что

именно он носил эти дурацкие штаны и рубашку. Идиот. Кому он нужен? Будут химики тратить на него свои реактивы!

– И то правда, – пробормотала Майя. – Насчет экспертизы я тоже что-то сомневаюсь.

Неожиданно дверь, возле которой они шептались, медленно открылась, и из нее на лестничную площадку просочился старший лейтенант Половцев.

– А, гражданка Янова! – воскликнул он тем ненатурально сладким голосом, каким злые дядьки подзывают к себе детей.

На лице Анжелики пятнами проступило волнение. Обращением «гражданка» оперативник лишил ее статуса очаровательной женщины и низвел до уровня свидетельницы по делу.

– Только что разговаривал по телефону с вашим мужем, – продолжал Стас. – Он поднимается на лифте на девятый этаж. Дело в том, что мы решили провести очную ставку.

– Какую это?

Анжелика отступила к лестнице и схватилась рукой за перила.

– Ваш муж против Жабина. Не знаю, кто победит, но раунд обещает быть напряженным. Идемте с нами! – предложил он с таким азартом, словно приглашал ее раскапывать Трюю.

Анжелика быстро и мелко закивала, наблюдая за тем, как на площадке появляется Сильвестр Бессонов. До сегодняшнего дня она встречала его всего несколько раз. Впечатление он оставил о себе неблагоприятное. Здравовался сквозь зубы, кривился и прибавлял шаг.

– Добрый вечер, – проблеяла Анжелика, перестав кивать.

– Добрый, – неохотно согласился тот. Достал из кармана носовой платок и приложил к нижней половине лица, соорудив из него респиратор.

Половцев нажал на кнопку вызова лифта и весело сообщил:

– Опять кто-то катается. Сто лет ждать придется. Может быть, пойдём пешком? Всего три этажа, не развалимся ведь.

Никто, конечно, возражать не стал. Они двинулись вверх по лестнице, следуя за старшим лейтенантом, подобно гусиному выводку. Сильвестр, дышавший через батист, громко сопел.

– Вам что, не нравится запах моих духов? – раздраженно спросила Анжелика, приняв платок на свой счет.

– Я вообще не люблю запахи, – признался он, стараясь вырваться вперед.

Майя решила прийти на помощь своему боссу и втиснулась между ними. Анжелика немедленно схватила ее за руку. Привыкнув к тому, что мужчины тают, когда она умоляюще сжимает им пальцы, она теперь проделала этот трюк «на автомате».

– Ты обещала мне помочь! – прошипела она, воспользовавшись тем, что Сильвестр громко заговорил с их предводителем.

– Вряд ли удастся перебраться с боссом даже парой слов. Может, все и так обойдется?

– Не обойдется! Жабин приятный мужчина, но ужасно нервный. Боюсь, ему не выстоять.

– Что, если рассказать правду милиционеру? И попросить его сохранить все в секрете от твоего мужа?

На лице Анжелики появилось скептическое выражение.

– Ты когда-нибудь слышала о милиционерах, которые хранят чужие тайны?

Сказать по правде, Майя вообще мало что слышала о милиционерах. Ни один не попал в круг ее знакомых. Поэтому узнать об их повадках ей было решительно неоткуда. Сериалы про ментов, заменившие на телевидении мексиканское «мыло», смотрелись как сказки. Происходящее в них принимали за правду только пенсионеры, которым остро не хватало уверенности в завтрашнем дне. Детективные романы про будни уголовного розыска подозрительно искажали действительность. Однако страна нуждалась в положительных героях, и писатели делали их буквально из кого попало, в том числе и из милиционеров. Как только внушительная процессия миновала площадку восьмого этажа, наверху лязгнул лифт.

– Янов? – крикнул старший лейтенант, задрал голову. – Мы уже идем.

Антон Янов был поджарым типом, который держал в письменном столе гантели, брился до белизны и постоянно пил свежесжатый сок. Доказательством его незаурядных деловых качеств служила жена. А точнее, ее роскошный вид и сибаритский образ жизни. Янов гордился всем, чего достиг. Жена тоже являлась предметом его гордости. Нет, он не должен знать о ее интрижках на стороне.

Встретил он старшего лейтенанта и его свиту яростным недовольством:

– Не понимаю, почему я должен что-то доказывать! Какое отношение имеют мои штаны к незнакомому трупу, который нашли на шестом этаже?

– Действительно, старшина, – поддакнула его супруга, дыша в лопатки Пловцеву, – я тоже не понимаю, зачем мы всей толпой лезли так высоко.

Стас хотел поправить Анжелику и вернуть себе собственное звание, но потом встретился с ней взглядом и раздумал. Отвечать Янову он тоже не стал. Молча подошел к тридцать второй квартире и нажал на кнопку звонка. Им очень долго не открывали, и старшему лейтенанту пришлось звонить снова и снова.

«У-у-у! – протянула про себя Майя, когда любовник Анжелики все-таки появился на пороге. – Дело пахнет керосином. Старший лейтенант расколется этого парня, как игривый кот глиняную копилку».

Жабин явно не был готов к испытаниям. До сих пор жизнь его текла легко, как река по широкой долине. Штраф за разворот через две сплошные Жабин считал

значительной неприятностью. И сейчас он стоял с лицом неудачника, только что оплатившего в кассе универмага кусок мыла и веревку. Каким образом ему удалось охмурить Анжелику, казалось загадкой. Вероятно, он взял ее прямоотой и грубостью, которую некоторые женщины принимают за напор безудержной страсти.

– Вот и мы! – тоном Атоса, после долгой беготни изловившего-таки Миледи, сказал Стас.

– Что ж, заходите, – ответил Жабин обреченно.

Ситуация казалась ему ужасной. Особенно потому, что в квартире он был не один. Буквально только что явилась курьерша, доставившая два авиабилета – для него и Анжелики. Пользуясь отлучкой Янова, любовничек собирался свозить даму своего сердца на уикенд в Турцию. Хотел сделать широкий жест, изрядно потратился... И все зря.

Курьерша оказалась дородной тетенькой, которая активно потела и то и дело вытирала лицо и шею душистым платком. Платок она жестом фокусника вытаскивала из декольте. Объясняя, где следует расписаться, наступала на Жабина величественной грудью, и тот пятился от нее до самого подоконника. Заставить ее убраться восвояси казалось невозможным. Да она просто не успевала. Что, если милиция станет ее допрашивать? Потребуют билеты, увидят на них две фамилии – его и любовницы, тут все и раскроется. Жабину было жаль себя и очень страшно за Анжелику. Она уверяла, что ее муж – ревнивый демон и, если узнает правду, отомстит со всей жестокостью, свойственной темным силам.

Он ждал, что с минуты на минуту позвонят в дверь, но, когда это случилось, все равно перепугался, как шкодливый ребенок, накапавший клея в бабушкины ватрушки.

– К вам пришли, – сказала курьерша, некоторое время наблюдавшая за тем, как Жабин бегаёт по гостиной с вытаращенными глазами. – Может, откроете?

– Если я открою, – ответил тот, остановившись на всем скаку, – вам придется спрятаться в моей спальне.

– Зачем это? – возмутилась та. – Платите деньги, и я поеду. У меня еще три заказа, один в Бибирево, второй в Бескудниково, а третий в Бутово.

– Забудьте про ваши заказы, тут речь о жизни и смерти.

– Ну да? А кто пришел?

– Милиция, – коротко ответил Жабин.

Теперь уже он принялся теснить курьершу грудью, пытаясь загнать ее в спальню. Порядка там, конечно, никакого, и постель не застелена, но сейчас не до церемоний. Плохо было то, что дверь не запиралась снаружи. И как удержать внушительную даму внутри, он понятия не имел.

– Пришла милиция, – повторил он с нажимом. – Они ищут маньяка, который только что задушил на лестнице двух человек. Говорят, этот маньяк – женщина. Полная такая женщина в декольтированном платье. Свидетели видели, как она пробежала вверх по лестнице с шелковым чулком в руках. Впрочем, вас не должно это касаться, – добавил он, сделавшись от страха невероятно находчивым. – Если будете сидеть тихо, вам даже не придется давать свидетельские показания.

На лицо курьерши пала тень трагических раздумий. Воспользовавшись ее замешательством, Жабин впихнул несчастную в спальню, захлопнул дверь и сделал глубокий вдох. После чего стремглав помчался открывать. На лестничной площадке его поджидала целая толпа – оперуполномоченный Половцев, Анжелика, ее сердитый муж и жильцы с шестого этажа, с которыми Жабин даже не был толком знаком. Чтобы не выдать собственного смятения, он старался смотреть на кого угодно, только не на ревнивого демона, который еще ни о чем не подозревал. Зато в глазах милиционера подозрений было хоть отбавляй. Тоже плохо. Бледная Анжелика взглядом умоляла любовника спасти ее.

Жабин посторонился, давая дорогу незванным гостям. Первым порог его квартиры переступил Янов. Он решительно пересек гостиную и уселся в единственное кресло, прямо на подушку, расшитую ирисами. После чего грубо спросил, обращаясь к Сильвестру:

– А вы чего пришли? Тоже претендуете на мои штаны?

Про Майю Янов ничего говорить не стал, только молча зыркнул в ее сторону. Однако на месте ему не сиделось. Потерю времени он переживал так же болезненно, как азартные игроки проигрыш в покер. И теперь вертелся в кресле, укладывая то левую ногу на правую, то наоборот.

– Сильвестр Семенович здесь по моей просьбе, – заявил старший лейтенант непререкаемым тоном.

Пока остальные рассаживались, он прошелся по комнате, внимательно осматриваясь.

– Итак, следствие нуждается в ваших объяснениях по поводу окровавленной одежды, найденной в мусорном баке во дворе дома. У меня есть собственная версия, но сначала я хочу выслушать мнения сторон.

Он взял стул, стоящий возле окна, и устроился так, чтобы всех хорошо видеть. Жабин избрал местом своей дислокации противоположную сторону комнаты, интуитивно загородив собой дверь в спальню. Он единственный остался стоять и выглядел как ученик, которого вызвали в кабинет директора. Майя видела, что лицо его дрожит от едва сдерживаемых чувств, ноздри трепещут и судорожное дыхание вздымает грудь. А в глазах старшего лейтенанта медленно, но верно разгорается азарт. Неожиданно она ощутила себя маленькой девочкой, которая мирно собирала в лесу ягоды и вдруг наткнулась на жестоких охотников, загонявших нежную лань. Естественный порыв спасти несчастное животное потряс все ее существо. Именно в этот момент лань решила, что у нее нет шансов на спасение, и грохнулась вверх копытами.

– Да, – заявила лань, – это не моя одежда, а одежда Янова. Так получилось, что мне ее дали. Были такие обстоятельства...

Янов бросил быстрый взгляд на жену и увидел, что вместо нее на диване сидит ледяное изваяние. Он вцепился руками в подлокотники кресла, и лицо его начало стремительно наливаться кровью. Сильвестр, спрятавший платок в карман, с живым интересом наблюдал за происходящим.

– Я оказался в подъезде без одежды, – продолжал между тем Жабин. – Совершенно случайно голый вышел на лестничную площадку... И тут порыв

ветра... Дверь захлопнулась, и я остался в безвыходном положении... Побежал вниз по лестнице. Увидел Анжелику... То есть соседку с третьего этажа... То есть вас, – пролепетал он, обращаясь к несчастной, которой повезло стать его любовницей.

– Ну что ж, все очень логично, – заключил Стас Половцев важным тоном. – Соседу трудно отказать в помощи. Тем более голому. Во сколько это случилось?

– Без десяти три, – ответила вместо Жабина Анжелика. – Я как раз посмотрела на часы. Невольно.

– Ты впустила голого мужика в мою квартиру?! – прошипел Янов, разбрызгав вокруг себя порядочное количество слюны. – Может, ты вообще... не первый раз его впустила?!

И тут Майя поняла, что настал ее черед выйти на сцену. Ни одна неверная жена не заслуживает такого ужасного зрелища, как прозревший муж.

– Да ладно вам, Жабин, – громко сказала она, переключив внимание всех собравшихся на себя. – Скажите уж правду. Разве можно поверить в то, что вы, обнаружив себя голым в подъезде, весело поскакали вниз по лестнице? И проскакали целых шесть этажей?

– Вот именно, – процедил сквозь зубы Янов, который как раз достиг свекольной спелости и уже наполовину выбрался из кресла.

– А если вам не хватает мужества, я скажу правду за вас, – продолжала между тем Майя. – Вы оказались на лестнице вовсе не голым!

Жабин смотрел на нее глазами ошеломленной рыбы, которая выпрыгнула из воды и увидела перед собой лошадь.

– Вы оказались на лестнице в женской одежде. Да, Анжелика пожалела вас. Но какая женщина устоит перед таким несчастьем? Она посчитала вас своей подругой, Жабин! Вы не должны подставлять ее. Подруги не подставляют друг друга. Вы же понимаете, что ее муж подозревает самое худшее.

– Самое худшее, – философски заметил Сильвестр со своего места, – это когда у вас отказывают мозги. Все остальное – только жалкие неприятности.

– Вам, конечно, лучше знать, – процедил Янов, поднимаясь на ноги и делая первый тяжелый шаг по направлению к Жабину. – Но мне не нравится лицо этого типа. Я бы хотел вытрясти правду непосредственно из его тела.

– Ну, покамест это никакое не тело, – веско заметил оснащенный табельным оружием старший лейтенант, поднявшись вслед за Яновым. – И давайте не будем пороть горячку.

– Вот пусть он мне предъявит ту женскую одежду, в которой по лестницам бегал, – бросил Янов. – Прямо сейчас. Платишко, бельишко... Во что он там любит наряжаться?

– Да я с радостью... – забормотала пустоголовая лань, шаря позади себя в поисках дверной ручки. – Я сейчас все покажу... Конечно!

Жабин развернулся, приоткрыл дверь и нырнул в образовавшуюся щель. Все, кто был в гостиной, остались на своих местах и напряженно ждали, когда он появится вновь. Майя про себя скрежетала зубами, ругая дурака на чем свет стоит. Даже если у него есть подружка и он сейчас вынесет что-нибудь из ее шмоток, завалывшихся в шкафу, Янов немедленно сообразит, что ему втирают мозги. Жабин – парень большой и плечистый. Однако вряд ли он крутит роман с такой же большой и плечистой женщиной.

За дверью тем временем слышалась отчаянная возня, как будто там переодевалось сразу несколько Жабиных. Старший лейтенант прислушивался, склонив голову к плечу. Сильвестр со скептической улыбкой разглядывал потолок. Анжелика грызла ноготь на большом пальце. Ноготь был акриловым, поэтому не поддавался напору зубов, а только громко щелкал. Наконец терпение присутствующих было вознаграждено. Дверь спальни приоткрылась, и Жабин просочился наружу. Лицо у него было счастливым, а на согнутом локте болталось огромное платье – белое, в маках. От платья исходил отчетливый запах разгоряченного тела и оглушительных духов. Поверх него висели два капроновых чулка с затоптанными пятками.

– Вот, – победоносно заявил Жабин. – Я был в этом платье, и ваша супруга, Янов, меня спасла.

– Почему же вы не вернули штаны и рубашку обратно? – грубо спросил бизнесмен.

– Мне было мучительно стыдно перед вашей женой, поэтому одолженную одежду я решил выбросить.

– А отчего это она вся перепачканная? – проявил законное любопытство старший лейтенант Половцев. – И измятая?

– Ну... Сначала я ее перепачкал. Потом измял. А потом выбросил.

Именно в этот момент в спальне кто-то мощно чихнул. Присутствующие молча уставились друг на друга. Первым, конечно же, пришел в себя оперативник.

– Кого вы там прячете? – резко спросил он, атаковав хозяина квартиры строгим взглядом. – Дайте я посмотрю!

Он шагнул к двери и потянулся к ручке. За ним шагнули остальные – все, кроме Сильвестра, который по-прежнему сидел на своем месте со скептической физиономией.

– Нет! Подождите! – закричал Жабин с отчаяньем петуха, пойманного на суп. – Не входите! Туда нельзя.

– Почему это? – спросил Стас, на секунду остановившись.

– Там моя тетя.

Старший лейтенант хмыкнул и приоткрыл дверь. Взору присутствующих предстала большая разобранная кровать, в которой лежал кто-то крупный и холмистый, с блестящими глазами, выглядывающими из-под одеяла.

– Оставьте тетю в покое! Ее нельзя волновать! – Жабин проявил неожиданную смелость и, оттеснив опера, захлопнул дверь. На его лбу заблестели капельки

пота.

– Так, может, это теткинo платье? – тотчас сообразил Янов. У него нервически задергался правый глаз. – А этот гад все врет?

– Ну что вы! – с неожиданным возмущением воскликнул гад. – Тете не дают одежду. Чтобы она случайно не отправилась погулять. Понимаете, она сумасшедшая.

У него было такое искреннее лицо, что даже Майя на секунду купилась.

– А почему это сумасшедшая тетя лежит у вас дома? – продолжал допрос Янов.

– Так получилось. Тетя недавно вернулась из Южной Индии... Посетила Мадурай и Бурханпур. По возвращении приехала меня навестить и слегла. У нее поднялась температура, по-явилась сыпь... Специалисты сказали, что это очень опасно. Возможно, ее укусили мадурайские комары, а может, бурханпурские мухи. Ее, конечно, лечили.

– И что? – с любопытством спросила дурочка Анжелика.

– Ну... что? – переспросил Жабин. – Когда температуру сбили, оказалось, что тетя сошла с ума. Несет один и тот же бред про женщину-маньяка и билеты на самолет.

– Ладно, хватит, – сказал Стас Половцев. – Я хочу поговорить с вашей тетей. Хотя бы издали.

Он снова прорвался к двери, приоткрыл ее и, повысив голос, спросил:

– Гражданка, вы действительно тетя Жабина?

– Звучит довольно глупо, – заметил Сильвестр. – Как будто вы спрашиваете, не является ли жаба ее племянницей.

– Не вмешивайтесь! – прикрикнул опер. И снова обратился к кровати: – Гражданка, вы меня слышите? Что вы здесь делаете?

– Лежу, – неожиданно ответила постель густым голосом. – Лежу и билеты продаю. На самолет. И учтите, никакого маньяка я не видела! А уж маньяка-женщины тем более. Как она взбегала... Да еще с чулком!

– Понял, – мрачно пробормотал Стас и, осторожно прикрыв дверь, сообщил остальным: – Думаю, комары были очень ядовитые.

В этот момент Сильвестр встал со своего места и, отойдя к окну, громко позвал:

– Старший лейтенант! Можно вас на два слова? – Когда Стас приблизился, понизил голос: – Насчет тети пока ничего сказать не могу, но эти двое, разумеется, любовники. Думаю, вам лучше опросить их поодиночке.

– Да я уже выяснил все, что хотел, – ухмыльнулся опер.

На самом деле он хотел, чтобы Янов вышел из себя, совершил необдуманный поступок и получил от него, Стаса, по полной программе. Схватка была бы лучшим завершением этого ужасного дня и помогла немного разрядиться.

– Жаль, Янов, что ваша окровавленная рубашка не является уликой, – сказал он напоследок. – Но если потребуется, я еще вернусь взять у вас письменные показания.

– Но я здесь ни при чем! – проскрипел бизнесмен: ему не понравилось подозревать Анжелику в неверности. Неверность жены – наглядное доказательство несостоятельности мужа.

Его восклицание повисло в воздухе, потому что старший лейтенант уже ушел, не потрудившись даже попрощаться с Сильвестром Бессоновым. Майя была так возмущена этим обстоятельством, что все то время, которое они потратили на путешествие к своей квартире, бурно дышала и фыркала.

– А вы что на это скажете? – наконец обратилась она к боссу.

– У Жабина в гостиной нет ни пылинки, – ответил тот. – И обивка на диване такая свежая! Нужно будет узнать, какой у него пылесос.

– Ну нет! – Майя так и подскочила на месте. – Если вы купите еще один пылесос, вам придется расширять жилплощадь.

– Я над этим думаю, – признался Сильвестр.

– Неслыханно, – пробурчала Майя, отпирая дверь. – Восемнадцать пылесосов. Два из магазина уникальных товаров, один выписан из Японии, в другом стоит двигатель от мопеда.

– На месте этого Половцева я проверил бы скрипача со второго этажа, – неожиданно заявил ее босс. – Скрипачам нужна канифоль. Они натирают ею смычки. Интересно, а как вообще этот Фофанов оказался в нашем подъезде? Что он тут делал?

Глава 3

Крупные слезы катились по лицу Тони Потаповой, падали на ее кофточку и по шее стекали за шиворот. Она положила тонкий пальчик на кнопку звонка и несколько раз быстро нажала.

За дверью раздались тяжелые шаги, и подозрительный голос спросил:

– Кто там?

– Это я.

– Кто – я? Такими «я» все тюрьмы забиты! Не пущу, если не скажете.

– Да Тоня, Тоня!

Дверь немедленно открылась, и появилась крупная брюнетка в черных брюках с отворотами и в расстегнутой белой рубашке. Нечесанные волосы спадали на плечи, челка свисала на лоб, скрывая глаза. Главенство захватил тяжелый подбородок, который диктовал всему облику свою волю.

– А, это ты. Заходи. Рыдаешь?

Брюнетка втянула Тоню в коридор.

– В общем, ничего удивительного. Через две недели ты должна была натянуть на себя фату и топтать к алтарю. Но твой Фофанов тоже хорош. Умереть так бездарно!

Тоня зарыдала еще самозабвеннее, вытирая глаза и нос руками, – платок был уже насквозь мокрым.

– Ах, Шура! Я плачу совершенно не поэтому! Я такая гадина...

– Пойдем, я налью тебе водки, – предложила Шура и потащила гостью на кухню.

В кухне царил художественный беспорядок. Здесь не было немытой посуды, старых очистков или крошек на столе. Однако вся утварь громоздилась как попало, поражая количеством и многообразием. Свободная от мебели стена была увешана всякой всячиной. Часы с кукушкой, вышивки в рамках, на которых были изображены цветы и фрукты, сувенирные тарелки, привезенные из экзотических стран, фотографии неизвестных личностей и два кашпо с необузданными традесканциями. Тоня Потапова обожала эту кухню. Сюда можно было прийти в любое время и в любом настроении и найти поддержку. А поддержка ей требовалась сегодня, как никогда.

– Садись на свой стул, – велела Шура, доставая из холодильника водку.

Шура Измайлова была весьма оригинальной личностью: ненавидела организованный труд, постоянно воевала с многочисленной родней и курила сигары. Водка помогала ей в работе – она занималась дизайном интерьеров и в поисках вдохновения иногда выходила за рамки разумного. В ее квартире никто ни разу не видел непечатой бутылки. Впрочем, алкоголь не смог поработить ни ее душу, ни тело.

– Почему ты вся такая расхристанная? – спросила Тоня, сделав маленький глоточек обжигающей жидкости, в которую успело упасть несколько хрустальных слезинок с ее подбородка.

- Тренирую свою сексуальность, - ответила Шура, выпятив бюст.

- А почему ты тренируешь ее в мужских брюках и рубашке?

- Хочу быть похожей на Грету Гарбо. Ты же знаешь, она - мой идеал. Решила стать ее современным воплощением.

Тоня в последний раз шмыгнула носом и одним махом прикончила водку.

- Если бы Грета Гарбо узнала, какой размер штанов ты носишь, у нее сделалась бы горячка. Прежде чем становиться воплощением, советую похудеть килограммов на тридцать. Сто раз тебе говорила, чтобы ты прекратила покупать пастилу и печенье в оптовых магазинах.

- Можно подумать, вес может остановить женщину на пути к совершенству! У Греты Гарбо тоже были недостатки.

- Я знаю, - мрачно кивнула Тоня. - Большие ноги. Но в остальном она была изящной, грациозной, обладала природным целомудрием и аристократизмом. А ты похожа на портового моряка. И не спорь! Я устала бороться с тобой за твое же здоровье. Ты выполнила сегодня свой комплекс физических упражнений?

- Не успела, - пожала плечами Шура.

- И чем же ты была занята?

- Выщипывала брови. Хотела сделать их ниточками - точно как у Греты на том знаменитом снимке Кларенса Синклера Булла.

- Не понимаю, о каких бровях ты говоришь, - возразила Тоня, чувствуя, что слезы высохли окончательно. - У тебя есть только рот и челка. Лично я не видела твоих бровей лет восемь.

Шура запахнула рубашку и плюхнулась на табуретку, которая взревела нечеловеческим голосом и заскребла ножками по полу.

– Ну ладно, не отвлекайся, – заявила она, ничуть не обидевшись. – Кажется, кто-то обозвал себя гадиной. Или мне послышалось?

Тоня подперла подбородок рукой и горестно призналась:

– Да, гадина – это я! Все меня жалеют, сочувствуют, поддерживают...

– И что?

– А то, что я не заслуживаю сочувствия! Потому что я... Я ведь... Я поняла, что я...

– Ну ладно, ладно, выкладывай. Меня ничем не удивишь.

Шура говорила правду. По-настоящему она удивилась только один раз в жизни, когда впервые увидела голого мужчину.

– Я поняла, что не любила Андрея! – выпалила Тоня. Налила себе еще водки и подержала ее во рту, как будто раздумывая – глотать или нет. Проглотила, разумеется, и с надрывом повторила: – Я не любила его! Но собиралась выйти за него замуж. И бог наказал меня.

– Почему тебя? – удивилась Шура, нарезаая колбасу прямо на клеенке, которой был накрыт стол. По ходу дела она успела засунуть себе в рот приличный кусок. – Это ведь Фофанов шарахнулся головой о ступеньку и умер.

– Если бы мы поженились, – объяснила свою позицию Тоня, – я сделала бы его несчастным. Бог показал, что намерения мои были ужасны.

Шура соорудила два огромных бутерброда, украсив их редиской и малосольными огурцами, и всучила один безутешной подруге.

– Это твой дядя во всем виноват, – безапелляционно заявила она. – Он с самого начала подбивал тебя выйти замуж. Коллекционеры вообще очень странные люди. Я знаю, о чем говорю! Откуда он выкопал этого Фофанова?

– Он не выкопал. У Андрея от прабабушки остался кузнецовский сервиз, и он хотел его оценить. Кто-то посоветовал ему обратиться к дяде Лене.

– Леониду Николаевичу сервиз страшно понравился, – продолжила Шура, – как и его хозяин. И он решил, что вы будете прекрасной парой. С Фофановым, а не с сервизом, разумеется.

– Ничего подобного, – горячо возразила Тоня. – Нас никто не заставлял становиться парой. Так вышло, что у Андрея и дяди Лени оказалось много общего. Андрей стал ходить к нам в гости, и я волей-неволей познакомилась с ним поближе. Знаешь, какой он был красивый?

– Знаю, – пробурчала Шура. – Как хочешь, но в нем чувствовалось что-то ненастоящее. У меня нюх на подделки. Может быть, твой Фофанов хотел завладеть коллекцией Леонида Николаевича?

– После дядиной смерти коллекция отойдет музею, – горячо возразила Тоня. – Все об этом знают. Нет, Андрей был бескорыстен.

Расправившись с бутербродом, Шура облизала пальцы и только потом вытерла их салфеткой.

– Но ты его не любила. Тогда зачем довела дело до свадьбы? Ну погуляла со смазливой мордой, да и все. У тебя на работе ухажеров целый этаж.

Тоня Потапова работала дизайнером в крупной компании и действительно пользовалась популярностью. Даже кое-кто из руководящего эшелона не остался равнодушен к ее красоте. Коммерческий директор дважды приглашал ее в ресторан, но она отказала, искренне считая, что служебный роман похож на порнографию: у него куча зрителей и нет толковой интриги. На хрупкую Тоню многие обращали внимание, отмечая ее приятные черты, чистый лоб и спокойные глаза. Уголки губ девушки загибались вверх маленькими крючочками, и эта полуулыбка, как все недосказанное, казалась особенно привлекательной. В ее облике чувствовалась прекрасная завершенность, которая дается только природой. Еще одним подарком той же самой природы оказался покладистый характер. Она легко находила общий язык с людьми, ни разу ни с кем серьезно не ссорилась – даже с давней подругой Шурой Измайловой.

– Поэтому я так и расстроилась! – Тоня беспомощно развела руками. – Сама не могу понять, как дело дошло до свадьбы. Андрей обладал мощной аурой и...

– Еще бы, – буркнула Шура. – Когда продаешь кухонные комбайны, без мощной ауры никуда. Зарботки будут низкими. Я считаю, ты зря так убиваешься. Ну совершила ошибку. Ничего особенного. Тем более не первую.

Тоня немедленно надулась:

– Потапов не в счет.

– Как же не в счет, когда ты до сих пор носишь его фамилию?

– Только потому, что Тоня Потапова звучит гораздо лучше, чем Тоня Попкова.

– Да, в браке есть свои плюсы, – философски заметила Шура. – Даже если он длится всего пару месяцев.

– Не передергивай. Мы с Романом были женаты полгода. Не будь он таким тютей...

– А то ты с самого начала не поняла, что он тютя!

– Я думала, что это временное явление и он поглупел от любви.

Шура достала коробку с сигарами, вытащила одну и, оскалив крепкие зубы, ловко откусила кончик, потом долго раскуривала, втягивая щеки.

– Если бы я увидела потаповскую тетку с самого начала, я бы тебя предупредила, – заметила она. – Не тетка, а дракон с хвостом. Причем огнедышащий. Это она испортила Роману характер. Вертит им, как хочет. Отчего он с ней до сих пор не разругается?

– Говорит, что рвать родственные узы – это грех.

– Врет он все. Просто не может справиться. Она ни за что не выпустит его из своих когтей. Знаешь, есть такие женщины, которым обязательно нужно кого-то поработать. Без этого они чахнут и раньше срока отправляются на тот свет. Мужа она уморила много лет назад и сразу же переключилась на Романа. Мне кажется, ты сошлась с ним только потому, что у вас похожие судьбы. Он сирота,

и ты сирота. Его воспитывали тетя с дядей, и тебя тоже.

– Наверное, ты права. Роман больше подходил на роль моего брата, чем мужа. Кстати, Андрей был против того, чтобы мы встречались.

– На его месте я тоже была бы против, – призналась Шура, пуская клубы дыма. От ее сигары воздух на кухне сделался серым и пахучим.

– Мне нужно будет заняться делами Андрея, – сказала Тоня, решительно сложив руки замочком. – У него вообще не осталось родственников. Но друзья наверняка есть. Нужно отыскать их, сообщить о его смерти. Позвонить к нему на службу. Может быть, разобрать документы, вещи... Я вообще готова сделать все что нужно.

– Разумно, – согласилась Шура, довольная тем, что подруга больше не ревет белугой. – Ты без пяти минут его вдова. Конечно, сделай что полагается. Я тебе помогу.

В этот момент в сумочке Тони зазвонил мобильный телефон. Она торопливо достала его. Шура отвела руку с сигарой подальше от лица и замерла в ожидании.

– Алло, – сказала Тоня. – Да, это я. – Некоторое время слушала, после чего перебила: – Простите, а с кем я разговариваю? – Прикрыла трубку ладонью и одними губами пояснила Шуре: – Это из милиции.

Глава 4

– Наверняка Чепукин явился! – крикнул из кабинета Сильвестр. – Скажи, что, если он еще раз придет жаловаться на депутатов, я подброшу ему в духовку героин и напишу донос.

Майя заглянула в «глазок», втайне надеясь, что вернулся старший лейтенант Половцев, которому срочно понадобилась консультация ее босса. Ей страстно хотелось, чтобы Сильвестра по-настоящему привлекли к расследованию дела об

убийстве. Это был бы настоящий поворот судьбы. Босс очень нравился Майе. Он был не только умным, проницательным и творческим человеком. Главную отличительную черту настоящего мужчины – благородство – невозможно было игнорировать. Когда недавно ей потребовалось срочно уехать, он ни слова не сказал, хотя во дворе жгли резину и она видела, что ему здорово не по себе. Да, болезнь сделала его язвительным и чудовищно придирчивым, но на это можно было закрыть глаза. Их постоянные стычки ничего не значили, с некоторой натяжкой их можно было даже назвать развлечением.

Свою странную работу – присматривать за Сильвестром Бессоновым – Майя получила совершенно случайно. Некоторое время назад она оказалась в отчаянном положении. Нелепо погибла жена ее старшего брата Олега, и тот медленно, но верно начал спиваться. Его сын Вадик, слабенький от природы малыш, остался практически без присмотра. Олега уволили со службы, ребенком всерьез заинтересовалась служба опеки. Майя отвезла брата с племянником за город, к бабушке Клавдии Никодимовне, и оставила на ее попечение. Брат продолжал пить. Он даже не пытался найти работу и целыми днями слонялся по селу, навещая то одного приятеля, то другого. Той мелочи, которую ему давали соседи за небольшую помощь по хозяйству, едва хватало на самогон. Ответственность за семью легла на Майю. Нужно было зарабатывать деньги, однако все, связанное с филологией, оплачивалось слишком скудно. Закрыв глаза на диплом, она стала просматривать объявления в газетах и случайно наткнулась на весьма оригинальное: «Требуется человек любого пола для ухода за больным. Больной обслуживает себя сам. Ненормированный рабочий день, плохой характер подопечного и приличный оклад гарантируются». Она явилась на собеседование, вооруженная одной только надеждой, и была принята немедленно. Лишь гораздо позже Майя поняла, почему Бессонов остановил свой выбор именно на ней, – от нее не пахло ни духами, ни собаками, к тому же совершенно случайно в ходе разговора она произнесла слово «гипоаллергенный». Ее испытательный срок закончился, как только она дала первый бой Чепукину, желавшему прорваться в квартиру и обсудить последние политические новости.

Однако на сей раз она не увидела в «глазок» ни мятежного пенсионера, ни старшего лейтенанта Половцева. Перед дверью стояли совершенно другие люди.

– Это соседи сверху, – выпалила Майя, примчавшись в кабинет. – Кажется, с восьмого. Супружеская пара. Знаю только, что ее зовут Ольга и она любит

одеваться во все розовое. А про ее мужа вообще ничего сказать не могу.

- Поговори с ними через дверь, - предложил Сильвестр. - Хотя... Лучше я сам. После явления этого твоего опера тут образовался настоящий проходной двор.

- Это не из-за опера, а из-за трупа, - защитила Половцева Майя.

В дверь снова позвонили, и Сильвестр еще издали крикнул со своим обычным раздражением:

- Эй, что вам нужно?

- Послушайте, - ответил сердитый мужской голос, - я Георгий Лешневский. Со мной моя жена. Мы хотим поговорить о смерти Фофанова, но только не через дверь. Откройте, это важно.

- А вы, случайно, не ели на завтрак ореховую пасту?

- Опять эти странные вопросы, - шепотом сказал Георгий жене. - Как будто он играет в шпионов. Об этих его вопросах мне рассказывали и почтальон, и уборщица. Может, он ненормальный?

- Я нормальный, - ответил Сильвестр, обладавший отменным слухом. - У меня поливалентная аллергия. А это значит, что, если вы будете дышать на меня орехами или принесете с собой веточку герани, я просто-напросто задохнусь.

- Утром я готовила яичницу, - пискнула Ольга. - Даже без лука.

- Она вообще плохо готовит, - добавил ее муж.

После секундной паузы замок щелкнул, и дверь открылась, приглашая гостей войти. Они не заставили себя ждать и один за другим переступили порог. По традиции их провели на кухню - Сильвестр не любил, когда чужаки вторгались в его личное пространство. Кухня была наименьшим злом, потому что чаще всего здесь хозяйничала Майя.

Лешневский оказался высоким дряблым типом с лицом, к которому не приставал ни загар, ни хорошее настроение. Только легкий пух напоминал о том, что на его голове когда-то росли волосы. Жена едва доставала ему до плеча и действительно была одета во все розовое, включая туфли с бантами. Рука об руку они подходили к пенсионному возрасту, причем каждый считал себя настоящим подарком для другого.

- Чепукин сказал, вы сотрудничаете с милицией, - с места в карьер начал Георгий.

- Почему вы не послали его подальше? Все знают, что он великий выдумщик.

- Но ведь вы ходили к Жабину, верно? И с вами советовались, не отпирайтесь. Оперативник говорил, что использует вас в качестве этого... консультанта.

- Вы были знакомы с трупом? - не сдержала любопытства Майя, бросив опасливый взгляд на своего босса.

Сильвестр давным-давно все расставил по своим местам. «Хоть я и есть тот больной, которому требуется уход, именно я плачу вам зарплату. Вы должны играть по моим правилам. Я - босс, вы - подчиненная». С тех пор она называла его боссом и обращалась на «вы», хотя он «тыкал» безо всякого стеснения, считая, вероятно, что это входит в контракт.

- Вы назвали его по фамилии, - продолжала Майя. - Я имею в виду Фофанова.

- Об этом мы и хотели поговорить. - Лешневский с такой силой заерзал на месте, как будто табуретка была горячей. - Мы кое-что скрыли от милиции и теперь не знаем, как выкрутиться. Вдруг они узнают правду и что-нибудь такое вообразят.

- Вы думаете, у оперативников есть воображение? - насмешливо спросил Сильвестр. - Единственное, на что хватит их воображения, забрать вас в ментовку и поколотить.

- Этого мы и боимся, - призналась Ольга, нервно облизав губы. - Пусть лучше вы все узнаете первым и как-нибудь утрясете со своим знакомым оперативником.

– Слышишь, Майя? Половцев – мой знакомый оперативник.

– У нас взяли письменные показания, – продолжала просительница, вытаращив глаза. – Мы их, конечно, подписали: «С моих слов записано верно, мною прочитано» и все такое. Но мы утаили информацию. Они не могут нас за это судить?

– К сожалению, они могут практически все, что им взбредет в голову, – «ободрил» ее Сильвестр. – Давайте выкладывайте, что у вас там за правонарушение, и покончим с этим. Если я смогу что-нибудь сделать, так и быть, сделаю.

– С этим Фофановым нас познакомил мой брат, – торопливо заговорил Георгий. – Он сейчас за границей, поэтому связывал нас по телефону. Фофанов собирался жениться и хотел сделать невесте особенный подарок. Ее дядя что-то такое коллекционирует и вроде как разбирается в старых вещах. Ну вот. А у нас с Ольгой есть старинное кольцо, которое досталось нам по наследству от бабушки.

– У меня есть кольцо, – вмешалась супруга, вытянув шею в направлении Сильвестра. – Досталось мне по наследству от моей бабушки.

– В общем, – недовольно зыркнув на нее, продолжил Георгий, – мы хотели продать кольцо, и Фофанов пришел посмотреть товар.

– Так. Дело начинает проясняться, – пробормотал внештатный консультант. – Возможно, Фофанов захватил с собой деньги, рассчитывая совершить сделку прямо на месте.

– Нет-нет! Денег при нем не было! – горячо заверила Ольга. – Мы поэтому к вам и пришли. Ведь милиция может подумать страшное дело что!

– Что конкретно?

– Будто мы услышали, как Фофанов упал, спустились вниз и ограбили его.

– Или договорились с верным человеком, который подкараулил Фофанова на лестнице и удачно «уронил» на ступеньки, – вкрадчиво продолжил Сильвестр. – Это он забрал деньги и прятался в вашей квартире до тех пор, пока не утих шум.

Супруги Лешневские посмотрели друг на друга безумными глазами.

– Я тебе говорил! – фальцетом взвизгнул Лешневский. – Чертово кольцо приносит одни неприятности. А твоя бабка была ведьмой!

– Клянусь, мы ни в чем не виноваты, – задрбезжала Ольга, неожиданно потеряв голос. – Фофанову понравилось кольцо, и мы договорились совершить сделку в банке на следующей неделе. Он вышел из квартиры, муж закрыл за ним дверь, и больше мы его не видели. Даже тела его не видели. Потому что, когда поднялся шум, у нас работал телевизор.

– Говори уж правду до конца, – рявкнул Георгий. – Никакой телевизор у нас не работал. – Он обернулся к Сильвестру и желчно добавил: – Она пела караоке. Этот страшный вой мог заглушить даже рев мамонта, а не только сирену «Скорой помощи».

– К какому часу вы в тот день ждали Фофанова? – прервал его словоизвержение Сильвестр.

– К половине третьего. Он пришел вовремя, то есть тютелька в тютельку. И пробыл-то совсем недолго. Надо же было ему наступить на эту идиотскую кожуру! Такая сделка сорвалась...

– Недолго – это сколько? – уточнил Сильвестр, подавшись вперед. – Вы не посмотрели на часы, когда выпроводили его на лестницу?

– Я могу назвать точное время, – ответил Георгий торопливо. – Как только за Фофановым захлопнулась дверь, мне позвонили с работы. У меня был отгул, но разве коллеги обращают на это внимание? Потом, когда мы с Олей обо всем узнали, я отследил время по звонку. Фофанов ушел без десяти три.

– И вы скрыли эту информацию от милиции, – констатировал Сильвестр.

– Вот именно поэтому мы здесь! – встрепенулась Ольга. – Скрыли, а теперь раскаиваемся. Если бы вы могли донести в удобоваримой форме... Убедить, что мы просто проявили слабость... Что мы ничего такого... Меня замучила бессонница. Это просто невыносимо!

Когда супругов удалось вытеснить из квартиры, Сильвестр вздохнул с облегчением:

– Люди с нечистой совестью загрязняют атмосферу не меньше, чем реактивные осадки. После них цветы вянут.

– У вас нет ни одного цветка, – напомнила Майя и спросила: – Вы им верите?

– Как это ни странно, да. И сколько раз просить тебя не вмешиваться? Ты постоянно суешься со своим любопытством!

Майя насупилась, потом обиженно проговорила:

– После того как вы нашли у меня под подушкой фотографию Кевина Костнера, вы относитесь ко мне как к дурочке.

– Я нашел случайно. Кроме того, я люблю Костнера. Особенно в тех фильмах, где он скачет на лошадях, а не разговаривает. И эта его улыбочка... Да, забавный тип.

– Из-за вас я сто лет не была на свидании, – выпалила Майя.

– Из-за меня?! Я что, делал тебе какие-то намеки? Мы с самого начала решили исключить из наших отношений всякие... скользкости.

– Все парни, которые мне нравились, могли помешать работе! – не слушала его Майя. – Павел, кинолог, был таким потрясающим! Он целовался, как... как...

– Как Кевин Костнер, – услужливо подсказал Сильвестр.

– Но разве я могла позволить себе встречаться с человеком, который имеет дело с четвероногими?

– Не жалеешь. Довольно противно иметь кавалера, после которого хочется вымыть руки.

– А Дима Бурин? – возопила безутешная ассистентка. – Такой отзывчивый, такой нежный, внимательный...

– И что? Он оказался таксидермистом! Делал для безутешных хозяев чучел из их сдохших кошек!

– Нечего смеяться над моими проблемами.

– Проблема – это когда уши отвалились. А у тебя просто девичьи переживания. Так что там с этим Димой?

– Он не мог переварить, что большую часть недели я у вас ночью. Он очень ревновал, сердился, даже плакал.

– Какие страсти, – пробормотал Сильвестр. – И главное, сколько чувств. Шекспир бы себе локти искусал, упустив такой сюжет.

– А Валера из Реутова?! – никак не унималась Майя. – Блондин, под два метра ростом, высшее образование... Ему тоже пришлось дать от ворот поворот! И все из-за того, что он разводит декоративных кроликов. Ну хобби у него такое, понимаете?

– Только не говори мне, что ты завязала с живыми мужчинами и остановилась на Костнере. Я чувствую себя скотиной.

– Я умру старой девой с хорошим окладом, – мрачно заключила Майя.

Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, Сильвестр пошел на хитрость, решив переключить внимание своей помощницы на что-нибудь более интересное, чем бывшие ухажеры.

– Кстати, что касается убийства. Думаю, нужно установить слежку за скрипачом Мурочкиным. Ты как, справишься?

– Я?!

Сильвестр прошелся по комнате, заложив руки за спину и рассуждая вслух:

– Если совесть его нечиста, он себя обязательно чем-нибудь выдаст.

– Чем, например? – с недоверием спросила Майя. Ухажеры в самом деле мгновенно вылетели у нее из головы. Она никак не могла поверить, что босс говорит серьезно.

– Откуда я знаю? Допустим, примется скупать все газеты, публикующие криминальную хронику. Убийца всегда хочет быть в курсе того, что о нем пишут. Или станет вздрагивать при виде каждого милиционера в форме, опасаясь, что его вычислили. Или будет обходить стороной все палатки, торгующие бананами. Что называется, от греха подальше. Как бы то ни было, мне хочется знать, что он собой представляет, этот Мурочкин. Но бегать за ним по улицам я не могу, поэтому обращаюсь к тебе с просьбой сделать это вместо меня.

Сильвестр остановился и пристально посмотрел на Майю. От волнения ее зеленые глаза потемнели, как океан, вынашивающий бурю. Безумно эмоциональная девушка.

– Ты часто встречаешься с Мурочкиным, когда ходишь в магазин? – напирал босс. – Что ты о нем думаешь?

Майя думала, что скрипач похож на мышь, обитающую в доме, полном кошек. Он не ходил, а прошмыгивал, голова его была втянута в плечи, взгляд бегал по ногам встречных. Казалось, этот человек ощущает себя виноватым во всем, что случилось на свете, начиная с гибели динозавров.

– Мне кажется, он слишком робкий для преступника, – призналась она. – Вы ведь считаете, что это было преднамеренное убийство?

– Я на этом настаиваю. Однако не забывай: некоторые тихони творят такие зверства, которые не снились и записным буянам. Поэтому ты не должна рисковать. Человек, который способен повернуть финт с банановой кожурой, может симпровизировать или изобрести еще какую-нибудь пакость, если

заподозрит неладное. Обещай, что будешь осторожной. Звони мне по телефону каждый час.

- Есть, шеф!

- Я примерно знаю расписание Мурочкина. - Поймав недоуменный взгляд ассистентки, Сильвестр напомнил: - Окна моего кабинета выходят во двор. Я люблю наблюдать за людьми. А что? Или ты считаешь, что таких, как я, нужно погребать под коробками с художественными фильмами?

Майя так не считала. У нее было противоположное мнение. Однако говорить ничего не стала. Сейчас перед ней стоял очень важный вопрос - как экипироваться в дорогу. На улице жара, замаскироваться можно только с помощью солнечных очков.

- Измени прическу, - посоветовал Сильвестр. - Статистика утверждает, что на одежду люди почти не обращают внимания. Жаль, что тебе нельзя приклеить усы. И не копайся, Мурочкин должен выйти из дому через десять минут. Лучше ждать его снаружи. Остановись за углом, на автобусной остановке.

- А если он поймает машину?

- Да брось. Музыкант средней руки, который даже не каждый день ходит на репетиции, вряд ли получает столько, чтобы тратиться на такси. Наверняка поедет на метро. Или пойдет пешком - в зависимости от того, куда лежит его путь. Просто следуй за ним. Твоя задача - замечать детали, анализировать его поведение и делать выводы. Ничего больше. Никакого геройства. Не пытайся его спровоцировать, хорошо? Если что-то случится, сразу звони мне, поняла?

Майя не собиралась никого провоцировать. Она честно таскалась за скрипачом по улицам и к концу четвертого часа готова была его придушить. Мурочкин не занимался ничем полезным. Никаких концертов, репетиций и симфонических оркестров. Никаких троллейбусов и метро. Он шатался по городу на своих двоих, совершая странные поступки, которые невозможно было хоть как-то объяснить. Сначала купил упаковку наждачной бумаги, потом универсальный клей и в последнюю очередь - короткий нож со скошенным лезвием. Таким ножом в магазинах отрезают от рулонов куски линолеума или коврового покрытия.

Все эти четыре часа скрипач упорно двигался в направлении центра города и в конце концов вывел свою преследовательницу на Тверскую улицу. Нагруженный покупками, он зашел в небольшое кафе, где заказал себе овощной суп и оладьи с джемом. Съел их, достал из кармана блокнот, что-то в нем нацарапал, затем вырвал лист и прижал его к столику пепельницей. Перед самым уходом Майе удалось завладеть этой запиской, однако прочитать ее было некогда – пришлось быстро сунуть в карман, чтобы официантки не подумали, будто она покушается на оплаченный счет.

Покинув кафе, Мурочкин забежал во двор одного из домов, отыскал мусорный бак и швырнул в него пакет со всем добром, которое купил незадолго до этого. После чего быстрым шагом пошел вниз по улице. Нырнул в подземный переход, вынырнул перед самым Манежем и прибавил шаг. Майя уж было решила, что он собрался на экскурсию в Кремль. Однако скрипач пересек Александровский сад и вышел к Боровицким воротам. Приостановился, о чем-то раздумывая, потом перебежал дорогу и двинулся по Большому Каменному мосту через реку. Милиционер, патрулировавший улицу, проводил его ленивым взглядом.

Майя дала скрипачу возможность вырваться вперед, после чего повторила его маневр и очутилась на мосту. Кроме них, здесь не было ни одного пешехода. Мимо с ревом проносились машины, обдавая их теплой сладковатой гарью. Великолепный вид города, подступившего к набережным, сегодня не привлек ее внимания – она не сводила глаз со своего подопечного. Тот прошел половину моста, ни разу не оглянувшись назад, и остановился возле парапета. Даже издали было видно, как тяжело и неровно он дышит. Потом он заглянул вниз, закрыл лицо руками и затрясся. Майя, остановившаяся поодаль, выхватила из кармана записку и пробежала ее глазами. «В моей смерти прошу никого не винить. Леонид Мурочкин». Число и подпись.

Записка поразила ее своей ужасной простотой. Человек собирается свести счеты с жизнью и полагает, что миру достаточно глупой шаблонной фразы. Она быстро распустила волосы и сняла солнечные очки, вновь сделавшись похожей на саму себя. После чего поспешно направилась к несчастному скрипачу, крикнув еще издали:

– Эй, Леонид! Какая встреча! Узнаете меня? Я Майя Долинина, ваша соседка по подъезду.

Мурочкин подпрыгнул на месте, крутнулся и уставился на нее круглыми беличьими глазками. В них плескался такой ужас, словно Майя была не женщиной, а локомотивом, заставшим его врасплох на рельсах. Он попятился к ограждению, не отрывая от нее безумного взгляда. Решив, что уговорами ничего не добиться, его потенциальная спасительница сунула злосчастную записку прямо ему в нос, грозно спросив:

- Что это такое, Леонид? Как это понимать? Это признание в убийстве?

- Откуда вы знаете? - одними губами спросил несчастный. - Да, я убийца! Я недостоин жить.

«Не верю, чтобы все было так просто», - пронеслось в голове у Майи. Поэтому на всякий случай она уточнила:

- Вы убили Фофанова и украли у него деньги?

Мурочкин вскинул голову и до предела распахнул глаза, сделавшись похожим на человека, который только что получил сковородой по голове.

- Кого-кого я убил?

- Это я вас спрашиваю, кого вы убили, - сердито воскликнула Майя, чувствуя, что надежда на скорую развязку ускользает от нее. - Вы ведь не просто так решили покончить с собой?

Им приходилось говорить громко, потому что машины неслись одна за другой и ревели на подъеме.

- Ладно, я все скажу, - с трудом выговорил Мурочкин. - В конце концов, какая теперь разница? Я недавно взял у приятеля «Жигули» напрокат. Потому что права у меня есть, а собственной машины нет.

Желудок Майи сжался. Она поняла, что за этим признанием последует что-то весьма неприятное.

– И я задавил кошку, – прорыдал скрипач, не скрывая больше слез, которые потекли по его мягким щекам. – Я больше не могу жить. Ни еда, ни сон не идут ко мне. Музыка мне не мила. За одну ночь я разучился играть на скрипке. Пальцы не слушаются...

– Тьфу ты, – пробормотала Майя и смело подошла к страдальцу поближе. – А вы не думаете, что кошке просто пора было попасть в ее кошачий рай, а вы – всего лишь перст судьбы? Вы были посланы для того, чтобы выполнить высшую волю. Вот и все.

Мурочкин несколько секунд молча смотрел на нее, потом в глазах его начала разгораться робкая надежда:

– Вы считаете, на это нужно смотреть именно так?

– А как же иначе? – пожала плечами Майя. – Кстати, зачем вы покупали наждачную бумагу и нож? И еще клей? А потом взяли и все выбросили?

– Вы следили за мной? – удивился скрипач.

– Я тоже ваша судьба. Так что отвечайте без утайки.

– С утра я не планировал прыгнуть в реку, – признался он неохотно. – Сначала я вспомнил о том мужчине, который поскользнулся в нашем подъезде на банановой кожуре, ударился головой и умер. Я посчитал, что это ужасно глупая смерть и что необходимо застраховать себя от подобных случайностей. Решил наклеить на подошвы ботинок кусочки наждачной бумаги, чтобы чувствовать себя увереннее. А потом вдруг подумал – какого черта? Он умер, и кошка умерла, а я – жив. Я решил, что покой можно найти где угодно – хотя бы на дне реки. И по дороге сюда избавился от покупок. Потому что, если я утону, мне уже не дано будет поскользнуться...

– Ну-ну, Леонид, – похлопала его по плечу Майя. Ей было неловко, что имя Мурочкина она узнала только из его предсмертной записки. Никогда прежде она не имела дела с несостоявшимися самоубийцами. Такая безумная ответственность! Нужно не спугнуть и не расстроить беднягу. Что ему стоит взять и передумать? Махнет вниз – не успеешь и глазом моргнуть. Чувство долга некоторое время боролось в ней с любопытством. Но схватка была неравной, и

вместо того, чтобы напомнить Мурочкину о том, как прекрасна жизнь, Майя спросила:

- Кстати, а почему вы оставили свое послание в каком-то кафе?

Скрипач по-прежнему стоял, прижавшись почками к литой чугунной решетке, и изо всех сил мял пальцы. Он все еще выглядел очень взволнованным.

- Я часто ужинаю там. И официантка, что обслуживала меня сегодня, всегда была очень добра. Давно уже никто не был ко мне так добр. Я подумал, может быть, она вздохнет, когда узнает...

- Что вы, Леонид? Если бы я не забрала записку, она бы проплакала целую неделю! А может, и месяц. Шуточное ли дело - потерять клиента.

- Вы так считаете? - с детской надеждой спросил скрипач.

- Я просто убеждена, - твердо ответила Майя. - Но почему именно сегодня, чудесным летним вечером, вы приняли судьбоносное решение?

- Это моя вторая попытка, - скромно признался Мурочкин. - Как раз в тот день, когда мужчина в нашем подъезде упал и умер, я собирался спрыгнуть с крыши. Уже давно у меня был ключ от чердака. Я поднялся на девятый этаж, оттуда по железной лесенке - к люку. Открыл дверцу и даже пробрался наверх, но не двинулся с места. Некоторое время стоял неподвижно, а потом услышал, какой шум поднялся в подъезде, испугался, что это по моей вине, и спустился обратно. Оказалось, что на лестнице нашли труп. Я тоже потолкался среди соседей и бегом бросился к себе. Пришлось обходить тело. Зрелище оказалось таким неприятным, что я забыл о самоубийстве. А сегодня опять накатило. Если бы вы знали, какой славной была та кошка!

- Она в кошачьем раю, - строго напомнила Майя и на всякий случай спросила: - Вы говорили милиции о том, что сидели на чердаке?

- Да вы что?! Только слабаки откладывают самоубийство. Мне было стыдно признаться в собственной слабости. Конечно, я никому ничего не сказал.

Майя несколько секунд молчала, всматриваясь в лицо Мурочкина.

– А теперь пойдете домой, – наконец решила она. – Обещайте, что откажетесь от идеи сделать с собой что-нибудь ужасное.

– Ладно, – помедлив, ответил скрипач. В его взгляде появился странный блеск. – Я дам вам клятву. Но только с одним условием.

– Что еще за условие? – насторожилась спасительница. От этих музыкантов можно ожидать чего угодно. На сцене он – бог, а как только положит скрипку в футляр, тут и начинаются всякие выкрутасы.

– Поцелуйте меня.

– Я? – удивилась Майя. – Зачем это?

– Хочу почувствовать вкус настоящей жизни. Помогите мне поверить в прекрасное!

– Но здесь жуткий ветер. Может быть, стоит отложить это дело до завтра?

– Не увиливайте. Мы договорились. С меня – клятва, с вас – поцелуй.

Ветер в самом деле усилился. Волосы Мурочкина взъерошились на макушке, сделав его похожим на воробья. Он был маленький, несчастный и просил, в сущности, так немного! Внизу, под мостом, медленно двигалась темно-серая вода, и мысль об ужасной глубине пробирала до костей.

– Ладно, – сказала Майя. – Если это так важно, я вас, разумеется, поцелую. Давайте свою клятву.

Мурочкин заверил, что с этой минуты обещает думать только о хорошем и никогда, ни при каких обстоятельствах ничего с собой не сделает.

– Теперь приступайте, – велел он.

Майя придвинулась к нему вплотную и примерилась. Скрипач был мал ростом, поэтому изощряться особенно не требовалось.

- Вам может не понравиться моя зубная паста, - предупредила она и обняла его правой рукой за шею, а левой - за талию.

- Только это должен быть настоящий поцелуй, - предупредил Мурочкин очень серьезно. - А не какой-то там детский чмок.

- Ясно-ясно, - досадливо ответила его спасительница, переступая с ноги на ногу. Лицо скрипача было так близко, что она видела даже прыщик у него на носу. - Не отвлекайте меня, а то ничего не получится.

- Что значит - не получится? Вы же не зуб мне собираетесь выдергивать.

- Прекратите болтать и сосредоточьтесь. А еще лучше - закройте глаза.

Мурочкин поспешно зажмурился. Майя тоже зажмурилась, решив представить, что это Дима Бурин. Она напрягла губы и прижалась ими к губам скрипача. Он мгновенно ответил на поцелуй и задышал, как горячечный больной, увидевший чашку с водой. Самым отвратительным было то, что от него пахло оладьями с джемом. Оладьи настолько не сочетались с проводимым мероприятием, что портили все дело. Довести поцелуй до конца оказалось невероятно трудным. Однако Майя старалась изо всех сил и не позволила себе пойти на попятный. Пусть потом не говорит, что сделка не состоялась.

После того как она оторвалась от Мурочкина, тот некоторое время стоял, шатаясь, и смотрел на нее глазами пьяного школьника - храбро и восторженно. По всему было видно, что целоваться с Майей ему понравилось и он не прочь приобрести билет на второй сеанс.

- Теперь вы верите, что жизнь прекрасна? - с подозрением спросила она, отступив от него на безопасное расстояние.

- Кажется, да, - ответил убийца кошек. Потрогал свои губы подушечкой указательного пальца и признался: - Это гораздо лучше всего того, что я испытывал прежде. Вы вдохнули в меня новую надежду!

– Когда я буду лежать на смертном одре, надеюсь, ангелы перебросят пару костяшек на своих счетах в мою пользу, – проворчала Майя. – А теперь идемте, я провожу вас домой. По дороге будем беседовать о чем-нибудь жизнеутверждающем, ясно?

Обратно они добирались на маршрутке, и Мурочкин говорил не умолкая. Казалось, у него уже лет сто не было собеседника, и он вывернул перед своей спутницей душу, не стесняясь показать ее изнанку. К концу путешествия Майя настолько нагрузилась чужими переживаниями, что едва передвигала ноги. Засунув скрипача в его квартиру, она захлопнула за ним дверь и ободряюще постучала по ней ладонью. Затем вызвала лифт и, пока ждала его, тупо смотрела в стену. Втиснувшись в кабину, достала из сумочки ключи от квартиры и выставила перед собой самый длинный с таким выражением лица, как будто собиралась ткнуть в живот первого, кто решит поделиться с ней своими горестями.

Услышав возню, Сильвестр вышел из кабинета и включил в коридоре свет.

– Наконец-то ты вернулась! – обвиняющим тоном заявил он. – Я чуть с ума не сошел. Звонил тебе целый час, но ты не отвечала на вызовы. Разве можно так делать?

– Можно, – ответила Майя, сбросив босоножки и трусцой пробежав к ванной комнате.

– Подожди мыть руки, – попытался остановить ее Бессонов. – Скажи сначала, как дела.

Не обращая внимания на его призыв, Майя отвернула кран, набрала в ладонь воды и принялась полоскать рот, отчаянно брызгаясь.

– Почему ты так отплевываешься и трясешься? – с недоумением спросил Сильвестр. – Тебя что, отравили?

– Мне пришлось целоваться с Мурочкиным, – ответила она, продолжая начатое дело. – А перед этим он ел оладьи с джемом. Теперь я не могу избавиться от вкуса этих оладий.

– Целовалась с Мурочкиным? – удивился Сильвестр, наблюдая за тем, как его помощница вытирает рот целым пучком бумажных салфеток. – Удивительное дело: все, что затевают женщины, непременно оканчивается поцелуями. Я отправил тебя следить за скрипачом, а не вступать с ним в интимные отношения.

– Я и следила!

После водных процедур Майе значительно полегчало.

– Но когда он собрался свести счеты с жизнью и броситься в реку, пришлось вмешаться. Он согласился остаться на этом свете только в обмен на поцелуй.

– Негодяй.

– Мы поцеловались, и я отвезла его домой. Заодно узнала кое-что важное.

– Никогда не думал, что Мурочкин окажется таким предприимчивым.

– Когда убили Фофанова, скрипач сидел на чердаке, возле самой лестницы. Собирался сигануть с крыши, но его остановили крики внизу. Понимаете, что это значит?

– Нужно было позволить ему прыгнуть в реку – и дело с концом.

– Это значит, что убийца не мог уйти через чердак. И через крышу подъезда тоже, потому что там прятался перепуганный на смерть Жабин. Помните, Анжелика сказала, что выгнала его на лестницу без десяти три? Смотрите, какая складывается картина! Без десяти три Фофанов выходит от Лешневских и спускается на два этажа, где его поджидает убийца. В это же самое время наверху, на чердаке, сидит Мурочкин, в подъезд входит Янов, а на втором этаже Жабин лезет через окно на крышу подъезда. У убийцы не было иного пути, кроме как через двор. Он должен был ненадолго затаиться, пропустить Янова, а потом выйти на улицу. Нужно искать свидетелей, вот что я вам скажу.

– Больше никогда не поручу тебе ничего подобного, – продолжал гнуть свое Сильвестр, который, кажется, даже не вникал в то, что ему говорили. – Начнешь

с поцелуев, а потом совершенно развратишься, и я буду виноват.

– Это побочный эффект оперативной работы, – ответила Майя. – Вспомните Джеймса Бонда: он всегда достигал цели, пользуясь своим мужским обаянием. Если уж у меня не может быть настоящих кавалеров, сойдет и Мурочкин.

– А как же Кевин Костнер?

– Вы слышали, что я сказала? Что ваш убийца мог скрыться с места преступления только через дверь подъезда.

Сильвестр посмотрел на нее долгим взглядом, потом вздохнул и возразил:

– Ошибаешься. Он мог спрятаться в одной из квартир.

– Но у него не было времени вскрывать замки! Мы с вами возвращались от врача в пять минут четвертого. У подъезда толкались старушки, а труп Фофанова поджидал нас на лестнице.

– Не думаю, что убийце пришлось что-то взламывать. Полагаю, его кто-то впустил в свою квартиру. Кто-то, кого мы вполне можем вычислить, если захотим.

– А мы захотим?

– Ну, это уж дудки. Я получаю зарплату за то, что рецензирую фильмы. Кстати, от моего таланта зависит и твое материальное благополучие. Так что не подбивай меня заниматься следовательской работой, а лучше помоги распаковать посылку, доставленную курьером. Сегодня предстоит славный вечер – в активе триллер, фантастический боевик и два фильма ужасов.

– Ужасы творятся снаружи, за дверью квартиры, – пробормотала Майя.

– А это уже дело старшего лейтенанта Половцева. Странно, что он пропал без вести. Я был уверен, что он совсем скоро притащится. Хотя бы ради твоих красивых глаз.

Глава 5

Сильвестр снял наушники, схватил пульт управления и нажал на кнопку «Пауза». Маньяк, носившийся по экрану с окровавленной отверткой, замер с жуткой улыбкой на устах. В дверь звонили с настойчивостью, не предвещавшей ничего хорошего.

– Майя! – проревел Бессонов, не вылезая из кресла. – Кто-то пришел! Где ты есть? Заснула?

Иногда Бессонов помыкал своей помощницей, как последняя свинья. Все дело в том, что он от нее зависел. Стоит только признаться в этой ужасной психологической зависимости, утонешь в женской жалости. Когда Сильвестр оставался один, он ощущал себя яйцом, лежащим на проезжей дороге. Каждую секунду могло произойти что-то ужасное, угрожающее хрупкой скорлупе, в которую он был заключен. Ему просто необходимо было иметь рядом с собой надежного человека, а Майя как никто вселяла в него уверенность. Если случится приступ, она сможет вызвать врачей, сделать укол, что-нибудь предпринять, наконец. Сильвестр отлично сознавал, что готов на многое ради этого чувства безопасности.

Оба понимали, что их отношения не могут перерасти ни во что романтическое. Между ними стояла его болезнь и вся та проза, которая была с ней связана. Майя заказывала для него хлопчатобумажное белье, отыскивала мыло без отдушек и специальный зубной порошок. На ней лежал тщательный отбор продуктов и закупка лекарств. Она знала, как он боится насекомых, и до победного конца преследовала всякую бойкую муху, имевшую наглость залететь к нему в комнату. Она сопровождала его, когда нужно было ехать к доктору или на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/galina-kulikova/bananovoe-ubiystvo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)